

Кіева. ¹⁾ Злой рокъ очевидно преслѣдовалъ кіевскихъ антрепренеровъ.

За отъѣздомъ Каратѣева въ Полтаву, кіевскій театръ былъ закрытъ до декабря 1843 г., когда на смѣну своего прогорѣвшаго собрата прибылъ съ польско-русской драматической труппой изъ Николаева П. В. Рыкановскій, сохранившій на этотъ разъ свою театральную позицію вплоть до сломки стараго кіевского театра т. е. до 10 августа 1851 г. ²⁾ Спектакли открылись 14-го декабря при болѣе чѣмъ на половину пустомъ театрѣ, такъ какъ кіевская публика была предубѣждена противъ Рыкановскаго, у котораго труппа не блистала талантами ³⁾. Онъ старался привлечь расположеніе публики, обращая большее вниманіе на тщательную постановку пьесъ, костюмы, декорации, стараясь оживить репертуаръ постановкою «сложныхъ историческихъ пьесъ» вродѣ: «Велизарія», «Ермака Тимофѣевича», «Смерти или чести», (?) «Гамлета» (?) «Эсмеральды» (?) и т. п. Но параллельно съ этимъ историческимъ блескомъ не забывались и такія вещи, какъ 3 части «Днѣпровской русалки», «Сверху внизъ» и «Вотъ такъ пилюли!»... «и вообще всѣ драмы и комедіи извѣстныхъ писателей», прибавляетъ современникъ, взиравшій благосклоннымъ окомъ на дѣятельность этого предпріимчиваго импресарио и талантливаго актера. Труппа состояла: изъ г-жъ Рыкановской старшей, Рыкановской младшей, Колумбъ, Яшулътъ. Гг. Рыкановскаго, Зборовскаго, Мея, Топригина, Новикова, Лебедева, Карпова. Весной на гастроли пріѣхали: гг. Марковецкій, Григорьевъ, Усачевъ, Мочаловъ, Румянцевъ, г-жа Орлова и другіе артисты Императ. театровъ. Желая разнообразить зрѣлища и привлечь въ театръ поль-

¹⁾ Вотъ цифры доходовъ, полученныхъ съ кіевского театра, приводимыя Закревскимъ въ его „Описаніи Кіева“. По годамъ онъ распредѣляется такъ: 1836 г.—6700 руб.; 1838—15000 р.; 1840—7000 р.; 1842—10000 р.; 1843—18000 р.; 1845—15647 р. Г. Закревскій не указываетъ источниковъ откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія, не поясняя даже какой доходъ онъ разумѣетъ: валовой или чистый? Мы склонны думать, что доходъ исчисленный здѣсь слѣдуетъ считать валовымъ, такъ какъ изъ отчета г. Протасова за 65—66 г. (т. е. при повышенной доходности городского театра) валовой доходъ съ драматическихъ спектаклей=14851 р. Теперь если принять во вниманіе, что спектакли давались круглый годъ, прерываясь только „великимъ“ и „успенскимъ“ постами, а расходы антрепренера не прерывались ни чѣмъ, такъ какъ въ эти промежутки обыкновенно приводились въ порядокъ хозяйственныя стороны театральнаго дѣла, подготавливаясь къ предстоящему сезону, то мизерность театральнаго дохода въ этотъ періодъ даже при сравнительной разницѣ въ значеніи денежной единицы того времени отъ настоящей. Здѣсь любопытно привести также свѣдѣнія И. Фундуклея о приростѣ православнаго (слѣдовательно и русскаго) населенія въ Кіевѣ по годамъ: 1771—24000 ч.; 1800—28000 ч.; 1832—33500 ч.; 1861—61000 ч.

²⁾ Первый кіевскій театръ, стоявшій на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостиницы, былъ сломанъ за ветхостью, и драматическія представленія пріѣзжихъ польскихъ и русскихъ труппъ давались въ частныхъ домахъ временно приспособляемыхъ для этой цѣли. Такъ продолжалось вплоть до открытія нынѣшняго (сгорѣвшаго 4 февраля 1896 г.) городского театра т. е. до 1856 г.

Прим. авт.

³⁾ Вотъ какъ характеризуетъ современникъ труппу г. Рыкановскаго: „поляки, говоритъ онъ, не зная вовсе русскаго языка появлялись въ русскихъ пьесахъ, а русскіе зная языкъ не всегда могли имъ владѣть“. Вслѣдствіи, надо думать, это „предубѣжденіе“ разсѣялось, иначе г. Рыкановскій не основался-бы въ Кіевѣ такъ прочно.

Прим. авт.

скую публику, онъ въ іюнѣ 1845 г. пригласилъ польскую оперную труппу Шмитгофа, давшую: «Норму», «Фенеллу», «Цампу» и др.

Послѣ 9-ти спектаклей, прошедшихъ вполне успѣшно, труппа уѣхала въ Харьковъ. Попытки въ оперномъ направленіи зашли довольно далеко, такъ въ 1848 г. на время «контрактовъ» Рыкановскій пригласилъ изъ Одессы итальянскую оперную труппу, которая давала свои спектакли съ 15-го января по 4-е февраля пополамъ съ драмой, но успѣха не имѣла. Русская драматическая труппа состояла въ это время: изъ г-жъ Михайловой, Оедоровой, Ивановой, Рыкановской, Полянскон, Сизовой и гг. Соколова, Громова, Максимова, Копылова, Протасова 2-го, Лисицына, Дмитріева, Новикова, Лаврова, Козлова. Бутенко.

Режиссеромъ былъ Соколовъ, знающій свое дѣло человѣкъ и талантливый актеръ. Его дѣятельность на этомъ поприщѣ стѣсняли два обстоятельства: недостатокъ монтировочныхъ средствъ и «покровительство и вліяніе извѣстныхъ въ городѣ лицъ», подъ которыми, по словамъ современника, находилась русская труппа, т. е. вѣрнѣе ея женская половина. Самое слабое мѣсто труппы представлялъ оркестръ неумѣвшій акомпанировать пѣнію въ водевиляхъ. Декорации Фохта, напротивъ, хвалятъ, хотя комплектъ ихъ былъ недостаточенъ. Тоже и относительно костюмовъ.

Не былъ Рыкановскимъ забытъ и балетъ. Такъ въ сезонѣ 1849—50 г. съ 3-го декабря по 10-е февраля танцевала семейная труппа артиста-пенсіонера Богданова, состоявшая изъ: Надежды, Татьяны, Николая, Александра и Константина Богдановыхъ. Надежда Богданова была очень хорошая, граціозная танцовщица, сразу завладевшая вниманіемъ публики¹⁾. Лучшую ея ролью считалась роль танцовщицы въ балетѣ «Гитана». Таланты этого семейства были настолько разнообразны, что даже оркестромъ во время балетныхъ представленій дирижировалъ г. Александръ Богдановъ.

Рыкановскій, какъ мы уже сказали, пробылъ въ Кіевѣ около 8 лѣтъ, вплоть до сломки стараго кіевского театра; во все это время у него переиграли лучшие провинціальныя артисты и постоянно имѣлся хорошій балетъ подъ управленіемъ г. Морисъ-Піона. Труппа его всегда держалась на высотѣ лучшихъ провинціальныихъ труппъ—въ зимніе и осенніе мѣсяцы, а весной, когда болѣе крупныя и дорогіе артисты разъѣзжались, интересъ къ представленіямъ поддерживался приглашеніемъ на гастроли столичныхъ артистовъ, у которыхъ какъ разъ къ этому времени наступали вакаціи и они одинъ за другимъ направлялись въ провинцію «покормиться». Блестящимъ организаторскимъ способностямъ г. Рыкановскаго слѣдуетъ приписать и его столь

1) Въ книгѣ „Артистическое семейство Богдановыхъ“ разсказывается, что знаменитая Фанни Эльслеръ благословила Надежду Богданову, какъ наслѣдницу своей славы. Надежда Константиновна вполне оправдала предсказаніе своей знаменитой предшественницы: отправившись въ 1850 г. въ Парижъ, она, послѣ нѣсколькихъ уроковъ у Сень-Леона, смѣло выступила вмѣсто Карлотты Гризи въ „Маркитанкъ“ и весь Парижъ съ Жюль-Жаненомъ былъ у ея ногъ. Ея дебютъ въ Петербургѣ 2-го февраля 1856 г. въ „Жизель“ былъ больше похожъ на триумфъ побѣдителя, а въ Варшавѣ, гдѣ она танцевала проѣздомъ, ее вызвали, по счету „Kurjera Warszawskĳego“— 337 разъ!...

долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ безъ того печальнаго финала, какимъ кончали его предшественники. Онъ, что называется, завоевалъ свой успѣхъ!...

Послѣдній спектакль въ старомъ кievскомъ театрѣ былъ сыгранъ 30-го іюля 1851 г. и состоялъ изъ оригинальной комедіи въ 2-хъ частяхъ, Григорьева 1-го — «Житейская школа» и одноактнаго балета, названіе котораго неизвѣстно. Театръ закрыли, а Рыкановскій, не найдя подходящаго помѣщенія, вынужденъ былъ распустить труппу. Нѣкоторые артисты его труппы, желая остаться въ Кіевѣ, образовали «товарищество» и нанявъ помѣщеніе въ домѣ генеральши Бринкенъ, по Крещатикской улицѣ, превратили его во временный театръ. Помѣщеніе это, состоявшее изъ 3-хъ комнатъ, было обращено въ зрительную залу со сценой, амфитеатромъ, партеромъ (мѣста за креслами) и 70-ю креслами. Полный сборъ со всѣхъ мѣстъ давалъ 290 руб. серебромъ. Театръ этотъ открылся 11-го декабря 1851 г. опер.-водев. Котляревскаго «Москаль-Чаривныкъ», вод. П. Каратыгина «Заемныя жены» и вод. О. Кони «Титулярные совѣтники». Спектакли товарищеской труппы и вообще составлялись изъ коротенькихъ комедій и водевилей, какъ не требовавшихъ для постановки никакихъ сложныхъ сценическихъ приспособленій, которыми, понятно, импровизированный театръ и не обладалъ. Разыгрывался этотъ непривлекательный репертуаръ бойко, весело и театръ охотно посѣщался публикой, лишенной къ тому-же всякихъ другихъ развлеченій. Труппа представляла идеальную форму «товарищества», въ которомъ всѣ члены были на равныхъ правахъ, всѣ вопросы рѣшались сообща и труппа не имѣла ни режиссера, ни прочей театральной администраціи. Наибольше видныхъ персонажей труппы представляли супруги Протасовы, гг. Миккульскій и Максимовъ. Въ январѣ 1852 г. возвратился изъ Варшавы г. Морисъ Піонъ съ балетной труппой и, присоединившись къ товариществу, сталъ разнообразить его представленія цѣлыми балетами, не смущаясь крошечной сценой импровизированнаго театра. Въ великомъ посту театръ снова обратился, какъ говорятъ канцелярскія бумаги, въ «первобытное состояніе», т. е. на воротахъ бывшаго храма Талии и Терпсихоры, было вывѣшено объявленіе: «здесь отдаются въ наемъ комнаты»... Впослѣдствіи это помѣщеніе было долго занято танцевальной школой.

Въ сезонъ 1852—53 г. въ Кіевѣ дѣйствовали уже двѣ труппы драматическихъ актеровъ: К. Федецаго въ Линкахъ¹⁾ и Морисъ-Піона на Подолѣ.

Обѣ труппы помѣстились во временно приспособленныхъ для театра зданіяхъ. К. Федецкій снялъ по контракту на три года домъ

1) Линки были театральной мѣстностью значительно раньше этого времени, такъ въ „Запискахъ“ П. Д. Селецкаго, бывшаго кievскимъ администраторомъ и старожиломъ, есть слѣдующее мѣсто: „надъ Крещатиномъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей, которыми оканчивается дворцовая часть Кіева, стояло древнее зданіе; тамъ въ старыя времена была масонская ложа, потомъ въ этомъ зданіи помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость“. Про какое именно зданіе говоритъ почтенный П. Д. и къ какому времени и виду слѣдуетъ отнести бывшія въ немъ представленія, судить не беремся, но это единственное указаніе, отысканное нами на то обстоятельство, что когда-то въ этой мѣстности были театральныя представленія. Цитируемое мѣсто въ „Запискахъ“ отмѣчено 30-ми годами настоящаго столѣтія.

наслѣдниковъ генерала Бѣлогородскаго, а г. Морисъ-Піонъ, помѣстился въ каменномъ зданіи бывшей пересыльной тюрьмы.

Театръ въ Липкахъ имѣлъ: 96 креселъ, 17 ложъ и партеръ. Полный сборъ равнялся 200 руб. серебромъ, но такъ какъ полные сборы и въ тѣ времена представляли исключеніе, хотя и не столь рѣдкое, какъ мы увидимъ выше, то неудивительно, что г. Федецкій продержавшись кое-какъ до великаго поста, распустивъ часть своей труппы, уѣхалъ въ Житомиръ и ужъ больше не возвращался. Театръ на Подолѣ былъ значительно больше; 4-хъ ярусный, онъ вмѣщалъ: три яруса ложъ, 100 креселъ, амфитеатръ и галлерею. Полный сборъ его равнялся 450 руб. серебромъ ¹⁾.

Первый спектакль въ театрѣ г. Федецкаго состоялся 18-го ноября 1852 г. были сыграны на русскомъ языкѣ вод. «Дѣвушка-гусаръ» Ө. Кони, «Путешественникъ и путешественница» г. Зотова и на малорусскомъ языкѣ: «Москаль-чаривный» Котляревскаго. Театръ на первомъ представленіи былъ полонъ. Начало спектакля было объявлено въ 7 часовъ, тогда, какъ на Подолѣ, гдѣ обиталъ классъ по преимуществу рано встающій, спектакли начинались часомъ раньше. Труппа Федецкаго, какъ и большинство труппъ дѣйствовавшихъ тогда въ Юго-Западномъ краѣ, была смѣшанная: польско-русская, ²⁾ вотъ почему оцѣнивая исполненіе «Ревизора» Н. В. Гоголя, даннаго труппою Федецкаго 12-го января 1853 г., г. рецензентъ, одобряя исполненіе г. Федецкимъ роли Сквозника-Дмухановскаго, находить его выговоръ неправильнымъ, отчего достоинства исполненія значительно умалались; Хлестакова, въ этомъ спектаклѣ, игралъ Зубовичъ, Осипа—Степановъ, Бобчинскаго и Добчинскаго—гг. Семеновъ и Шмидтгофъ. Всѣ они крайне утрировали. Изъ актрисъ отличилась г-жа Дріонъ въ роли слесарши, относительно прочихъ г. рецензентъ восклицаетъ: «не люблю я говорить лести, а потому умолчу о другихъ актерaxъ и актрисaxъ»... Должно-ли это считать за порицаніе или похвалу мы не рѣшаемся сказать утвердительно. Театръ былъ переполненъ.

Изъ слѣдующихъ спектаклей данныхъ труппою Федецкаго, намъ извѣстны афиши: 24-го января «Фабрикантъ» ком., «Цирюльникъ на Пескахъ» вод. и «Парикмахеръ съ Невскаго проспекта» вод. 31-го января «Вендетта или корсиканская мечь» драма и «Андрей Степановичъ Бука» вод. Труппа все-таки, надо думать, сезонъ кончила благополучно, такъ какъ въ серединѣ февраля мы встрѣчаемъ слѣдующую афишу: «Сегодня 12-го февраля 1853 г. въ бенефисъ дѣвщины Гончаровой, труппою драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Федецкаго, будетъ представлено: комедія въ 1 дѣйстви «Обстоятельство или qui pro quo», участвуютъ: Федецкій, Федецкая, Дріонъ и Закржевскій и «Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ» водевилъ съ превраще-

¹⁾ Мѣста въ немъ были тѣсны и дороги, такъ—ложе 3-го яруса, расчитанная для трехъ человѣкъ, стоила—6 руб. Прим. авт.

²⁾ Хотя для открытія была дана пьеса популярнаго малорусскаго писателя, разыгранная на этомъ же языкѣ, но это нисколько не измѣняло дѣла, такъ какъ такіа бродячія труппы разыгрывали пьесы на польско-руско-малорусскомъ нарѣчій, не владея свободно ни однимъ изъ языковъ входящихъ въ его составъ. Прим. авт.

ніемъ, пѣніемъ и хоромъ; принцъ-Зубовичъ. Въ какой пьесѣ роль Абрикотины исполняла сама бенефициантка, остается по счастливому выраженію покойнаго историка Кайданова «покрыто мракомъ неизвѣстности», но въ краткой замѣткѣ по поводу этого спектакля, говорится, что онъ прошелъ успѣшно и при полномъ театрѣ. Наконецъ, 15-го февраля въ бенефисъ г-жи Федецкой идетъ ком. «Замужняя дѣвица» и вод. «Взаимное обученіе». На этомъ свѣдѣніи прекращаются, что объясняется близкимъ окончаніемъ сезона, послѣ котораго, какъ извѣстно, г. Федецкій уѣхалъ изъ Кіева.

Труппа г. Морисъ-Піона не ограничивается одними драматическими представленіями, а ставитъ также и балеты, что вполне естественно, такъ какъ самъ г. Морисъ былъ по профессіи танцовщикъ и «балетмейстеръ варшавскихъ театровъ». Открытіе театра на Подолѣ нѣсколько запоздало, такъ что первый спектакль состоялся лишь 18-го января 1853 года. Представленъ былъ вод. П. Феодорова «Утка и стаканъ воды» и балетъ въ 2-хъ дѣйств. «Акбаръ», въ которомъ выступила 1-я танцовщица вѣнскаго театра г-жа Тереза Риза. Передъ началомъ спектакля всей труппой былъ пропѣтъ гимнъ «Боже Царя храни!...»

24-го января идетъ комическій балетъ «Мельники или ночныя проказы», вод. «Путешественникъ и путешественница» и вод. «Одинъ часъ супружества».

31-го января—«большой драма-балетъ»,—«Сраженіе подъ Мисалонги или сохраненное знамя», вод. «Архивариусъ» и вод. «Воинскій списокъ».—7-го февраля—«Крестьянская свадьба» балетъ, интермедія—«Запечатанный еврей» и вод. «Ночные колокольчики или переполохъ въ аптекѣ».—15-го февраля—балетъ «Мельники», вод. «Жена кавалериста» и ком. «Сестры Каспари».

Словомъ, репертуаръ подольскаго театра отличался крайнимъ разнообразіемъ, составляясь изъ коротенькихъ комедій, балетовъ, родѣ «Крестьянской свадьбы», интермедій съ импровизированныхъ на разные злобы дня, фарсовъ съ танцами, пѣніемъ, переодѣваніями и волшебными превращеніями, родѣ: «Запечатаннаго еврея», «Ночного колокольчика или переполоха въ аптекѣ» и т. п. Конкуренція между театрами кончилась въ пользу г. Морисъ-Піона, у котораго средствъ оказалось больше и условія выгоднѣе. По распаденіи труппы Федецкаго часть артистовъ этой труппы во главѣ съ г. Зубовичемъ перешла къ его счастливому сопернику. Балетныя представленія особенно привлекали публику и пользовались наибольшимъ успѣхомъ. Исполнялись онѣ въ общемъ, по мнѣнію очевидцевъ, не дурно, хотя танцовщицъ находить недостаточно пластичными для исполненія классическихъ танцевъ ¹⁾. «Пластикой, столь необходимой для изображенія греческихъ богинь, не обладаютъ ни дѣвица Риза, ни Котулинская, ни Станкевичъ, ни Царева, танцовщицы, которымъ все-же нельзя отказать въ отчетливомъ изученіи балетнаго искусства». Любовь къ театру въ публикѣ того времени (какъ и нынѣ) не была сознательнымъ пред-

¹⁾ Прилагательное „классическихъ“ имѣетъ здѣсь значеніе нѣсколько отличное отъ общепринятаго въ балетной терминологіи. Прим. авт.

почтением театральныхъ зрѣлищъ другимъ развлеченіямъ въ виду ихъ особенной содержательности, наконецъ, просто занимательности съ виѣшней стороны, нѣтъ, театръ посѣщался больше потому, что никакихъ другихъ развлеченій зимой не было. Да и самый театръ не претендовалъ на какое либо учительное значеніе, онъ просто развлекалъ свою публику по мѣрѣ силъ и возможности, и лѣтомъ почти всегда пустовалъ. Что это нисколько не преувеличено, можемъ привести маленький, но характерный эпизодъ изъ жизни подольскаго театра. Въ концѣ іюня 1853 г. пріѣхала труппа ученыхъ обезьянъ, публика и безъ того плохо ходившая въ театръ, такъ обрадовалась этимъ заморскимъ диковинкамъ, что театръ совершенно обезлюдѣлъ. Тогда г. Морисъ-Пюнь не долго думая прекращаетъ спектакли и сдаетъ театръ обезьянамъ, которыя въ него и переселяются. Храмъ музъ превращается въ путешествующій звѣринецъ, снова наполняясь публикой, любопытствующей взглянуть на искусство своихъ... дальнихъ родственниковъ...

Зимній сезонъ 1853—54 г. открылся 19 сентября балетомъ Ж. Перро «Мечта художника» съ г-жей Терезой Риза въ главной роли и вод. «Фортукинъ или мужъ съ мѣста, другой на мѣсто» съ г. Зубовичемъ. Интересъ все-таки преобладалъ на балетной сторонѣ спектакля, по крайней мѣрѣ въ краткомъ отзывѣ объ этомъ спектаклѣ рѣчь все время идетъ объ г-жѣ Риза, танцовщицѣ «заслужившей одобреніе *даже* на вѣнскомъ театрѣ». Публики, «по случаю наступившаго холоднаго времени и темныхъ ночей», собралось много, всѣ мѣста были заняты. Хорошо уже то, что люди не обманывались насчетъ истинныхъ причинъ, наполнявшихъ публикой зрительный залъ театра, предпочитая «низкую истину»—возвышающему обману». Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ думать, что всѣ они сплошь были сухими и расчетливыми прозаиками, неспособными ни понять, ни оцѣнить прекрасное,—далеко нѣтъ. Такъ въ томъ-же отчетѣ, описывая исполненіе особенно понравившагося ему танца «Эмеральда», ¹⁾ протанцованнаго г-жей Риза, г. рецензентъ, говоря о немъ, возвышается до настоящаго лиризма. Танецъ перенесъ впечатлительнаго рецензента, выражаясь его словами: «въ страну, гдѣ апельсины зрѣютъ и смуглыя дѣвы, дышутъ страстью». ²⁾ Значитъ дѣйствительно хорошо!.. Антрепренеръ этой труппы замѣчательнъ еще тѣмъ, что первый сталъ печатать и расклеивать по улицамъ огромныя афиши, въ которыхъ самымъ заманчивымъ образомъ расписывалъ свои предетавленія. До этого времени афиши не покидали стѣнъ театрального зданія.

Изобрѣтательность этого господина шла еще дальше, такъ, въ концѣ сезона есть замѣтка: «въ театрѣ играютъ все тѣ-же пьесы, тѣ-же артисты и съ тѣмъ-же достоинствомъ, но афиши печатаются не черными буквами, а голубыми»... Слѣдуетъ выраженіе изумленія передъ глубиной и разносторонностью антрепренерскаго генія...

¹⁾ Вѣроятно „качучи“, которую съ легкой... ноги Фанни Эльслеръ, протанцовавшей ее въ „Эмеральдѣ“, вставляли вездѣ, гдѣ только можно было вставить и даже тамъ гдѣ нельзя. Прим. авт.

²⁾ Киевск. Губерн. Вѣдом. 1853 г.

Прим. авт.

Съ переходомъ части труппы Федецкого, драматическій элементъ на сценѣ г. Морисъ-Піона получилъ сильное подкрѣпленіе и весной 1855 г. въ спектакляхъ его труппы принимаютъ участіе гг. Живокини и Леоновъ, ¹⁾ оба съ большимъ успѣхомъ. Ропщутъ только на нѣкоторую заигранность репертуара, приводя въ укоръ, что напр.: «Русская свадьба» Сухонина и «Не въ свои сани не садись» А. Н. Островскаго, давно идутъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, возбуждаютъ толки и споры, а въ Кіевѣ многіе о нихъ и не слышали. Театръ подъ дирекціей г. Морисъ-Піона просуществовалъ до 22-го мая 1855 г., когда вслѣдствіе пошатнувшихся денежныхъ обстоятельствъ онъ долженъ былъ передать его г. Энгельгардту, къ которому и самъ перешелъ на службу вмѣстѣ со своей труппой. Вотъ какъ характеризуетъ современникъ новаго вершителя судебъ русскаго театра: «Г. Энгельгардтъ былъ человѣкъ богатый, любившій драматическое искусство, но мало понимавшій истинное значеніе театра, а режиссера не держалъ, почему при хорошихъ исполнителяхъ репертуаръ у него былъ плохъ, подчиняясь личнымъ вкусамъ антрепренера», не отличавшихся, надо думать, особенной высотой эстетическаго уровня. Его даже прямо обвиняли въ низменности вкусовъ, въ любви къ грубымъ и двухсмысленнымъ фарсамъ. Вещи вроде: «Маскарада въ клубѣ», «Жениха на расхватѣ» «Дома на Петербургской сторонѣ» и т. п. не сходили съ афиши, а водевилъ «Взаимное обученіе» шелъ съ половины мая по 1-е августа 30 разъ... Когда ему замѣчали, что публикѣ не нравится безсодержательность его репертуара, заполненнаго одними водевилями, то Энгельгардтъ спокойно отвѣчалъ: «онѣ (пьесы) нравятся мнѣ, я играю ихъ для себя». Въ результатѣ изъ 200 представленій—16 были отмѣнены вовсе: «за отсутствіемъ публики», какъ кратко извѣщали афишаги.

Русская драматическая труппа состояла: изъ г-жъ Ивановой, Звѣревой, Шванъ, Кравченковой, Ящультъ, Алексѣевой, Колосовой, Барановой; гг. Никитина, ²⁾ Бушено, Звѣрева, Яковлева, Дмитріева, Славскаго, Зубовича, Кравченко. ³⁾ Премьершей труппы считалась г-жа Кравченкова, актриса съ большою репутаціей на югѣ Россіи. Она дѣйствительно была очень талантлива, но обладала органическимъ недостаткомъ: шепелявила, что впрочемъ не мѣшало ей пользоваться хорошимъ успѣхомъ. Польская драматическая труппа была подобрана тоже довольно удачно: г-жи Засимовичъ, Скъорская; гг. Янковскій, Добруцкій, Новицкій, принадлежали къ числу талантливейшихъ представителей провинціального польскаго актерства.

Балетъ, по выраженію современника, «находился въ цвѣтущемъ состояніи», чему можно легко повѣрить, если принять во вниманіе, что и раньше ставились, «изживеніемъ» г. Морисъ-Піона, и шли съ успѣ-

¹⁾ Леоновъ—артистъ Петербургскихъ Императ. театровъ, былъ по профессіи, оперный пѣвецъ, что не мѣшало ему, какъ видно, обладать и драматическимъ талантомъ. Прим. авт.

²⁾ Къ фамиліи г. Никитина прибавлено: „артистъ Императ. С.-Петербургскихъ театровъ, 19-ти лѣтъ“. Прим. авт.

³⁾ При чемъ вслѣдствіе безпорядочнаго веденія дѣла, большинство видныхъ персонажей оставило труппу за долго до окончанія сезона. Прим. авт.

хомъ, такіе балеты, какъ «Робертъ и Бертрамъ», «Лѣсной царь», «Тшетная предосторожность», «Жизель», «Свадьба въ Ойцовѣ», «Волшебная флейта», «Кабинетъ механическихъ фигуръ» (Коппеля), «Розовый гений», «Танцовщица въ дорогѣ» и т. п. Съ драмой къ концу сезона дѣла пошли совсѣмъ плохо, такъ какъ гг. Зубовичъ, Кравченко, и двое Звѣревыхъ, естественно не могли замѣнить собой разбѣжавшуюся труппу. Вообще, безтолковое управленіе Энгельгардта отличалось чрезвычайнымъ, даже для того времени, разнообразіемъ репертуара: пьесы не повторялись (за исключеніемъ водевилей) и что день, то новая пьеса. Разумѣется и качество исполненія было соответственное: «пьесы, пишетъ современникъ, разыгрывались на спѣхъ и ансамбля въ исполненіи не было». Удивительно-ли, что не было ансамбля, когда первый актъ пьесы сыграли, а второй разучивали и репетировали его во время антракта!...

Г. Скрипицынъ, унаслѣдовавшій дирижерскую палочку отъ г. Шмидтгофа, тшетно пытался заполнить утомительно длинные антракты звуками «усовершенствованнаго» имъ оркестра. ¹⁾ Публика приходила въ неистовство и всѣми находившимися въ ея распоряженіи средствами требовала немедленнаго продолженія пьесы. Обстановка была плоха, декорации, костюмы тоже. Собственно декоратора Фохта и машиниста Лаврова хвалятъ, какъ людей хорошо знавшихъ свое дѣло, но Энгельгардтъ не давалъ денегъ на монтировку, находя, что «ихъ и безъ того уходитъ много». Когда въ декабрѣ 1855 г. пришлось ставить «Каменнаго гостя» А. С. Пушкина, то «испанскіе и турецкіе (?) костюмы» были взяты на прокатъ у Рыкановскаго, который отказавшись отъ антрепренерской дѣятельности, поселился на постоянное житѣ въ Кіевѣ. Вотъ, приблизительно, репертуаръ, разыгранный труппою Энгельгардта съ 22-го мая 1855 г., по 28 февр. 1856 г.: «Эсмеральда», Огненная палата, Энгувильскій нѣмой, Князь Мих. Васил. Скопинъ-Шуйскій, Отецъ и дочь, Тереза—женевская сирота, Царь и отчизна, Демонъ, Жизнь игрока, За вѣру, Царя и Отечество, Какъ аукнется, такъ и откликнется, Параша-Сибирячка, Каменный гость, Филиппъ, Житейская школа, Минутное заблужденіе, Весною, Шельменко-денежникъ, Шельменко-волостной писарь, Ревизоръ, Записки Демона, Заколдованный принцъ, Соломенная шляпка, Наталка-полтавка, Дочь 2-го полка, Свадьба по барабану, Леста днѣпровская русалка, Мужъ какихъ мало и жена какихъ много, Гусарская стоянка, Украли невѣсту!.. Взаимное обученіе, Полковникъ старыхъ временъ, Провинціальная невѣста, Дуэль на жаворонкахъ, Жена или карты, Домъ на Петербургской сторонѣ, Жена кавалериста, Женихъ на расхватъ, Ямщики и т. п. Зато и разносторонность дарованій артистовъ труппы была не менѣ замѣчательной. Напр.: г-жа Баранова, артистка С.-Петерб. Импер. театровъ, дебютировала ролью Юліи въ сценахъ Куликова «Весною», затѣмъ сыграла сильно драматическія роли: въ «Эсмеральдѣ» и «Жизни игрока»,

1) Оркестръ г. Шмидтгофа затруднялся аккомпанировать пѣнію въ водевиляхъ, каковое обстоятельство привело однажды къ скандалу: г. Леоновъ, во время дѣйствія, заявилъ, что онъ долженъ-бы пѣть, но съ такимъ оркестромъ пѣть не можетъ, а если угодно, то споетъ безъ аккомпанимента.
Прим. авт.

затѣмъ увлекла публику исполненіемъ игривыхъ водевилей: «Дѣвушка-гусаръ», и «Полковникъ старыхъ временъ», и въ заключеніе танцевала съ Морисомъ въ антрактѣ *pas de deux*, изъ балетовъ, чѣмъ окончательно покорила кievскую публику, приведя ее въ «неописуемый восторгъ».

И конечно жаль, что Энгельгардтъ, взявшись не за свое дѣло, разогналъ хорошую труппу.

Кончилось, какъ и всегда кончается въ подобныхъ случаяхъ: г. Энгельгардтъ порядочно порастрясъ свое состояніе, а театръ 28 февраля 1856 г. перешелъ въ завѣдываніе администраціи. Рѣшено было оба театра: подольскій и вновь отстроенный (нынѣшній городской, сгорѣвшій 4 февраля 1896 г.) подчинить особому комитету подъ почетнымъ предсѣдательствомъ г. Начальника края кн. П. И. Васильчикова¹⁾. Комитетъ состоялъ изъ пяти членовъ: вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, городского головы и двухъ членовъ-распорядителей: предсѣдателя казенной палаты—Кобылина и полковника Вержбицкаго²⁾. Новое управленіе на первыхъ порахъ энергично принялось за внутреннее и наружное благоустройство подольскаго театра, въ которомъ все жаловались на тѣсоту, неудобство мѣстъ и жару. Устроили свободный парадный подъѣздъ, расширили и украсили фойѣ, улучшили освѣщеніе сцены и зрительной залы, заказали новыя декораціи и т. п. Труппу кое-какъ собрали изъ прежнихъ персонажей, такъ что мы опять встрѣчаемъ знакомыя имена: г-жи Ивановой, Шванъ, Звѣревой, Засимовичъ, двухъ Колосовыхъ, Скворецкой, Алексѣевой и гг. Никитина, Дмитріева, Славскаго, Янковскаго, Брандтъ, Добруцкаго, режиссеръ г. Звѣревъ³⁾.

Балетную труппу дирекція распустила, оставивъ только дѣвицу Котулинскую и г. Адольфа Піона, которые исполняли танцы въ дивертисментахъ, безъ нихъ не обходилось ни одно представленіе. Вскорѣ въпрочемъ въ подкрѣпленіе имъ пригласили изъ Праги дѣвицу Вернеръ⁴⁾

¹⁾ Кн. Васильчикова, въ рядовыхъ засѣданіяхъ комитета, замѣщалъ нач. губерніи П. И. Гессе.

²⁾ Когда открылся новый городской театръ, то потребовался еще „распорядительный членъ“, которымъ и былъ назначенъ—совѣтникъ питейнаго отдѣленія Сушевскій.

Прим. авт.

³⁾ Изъ этого состава русской драматической труппы видно, что въ ней нашли мѣсто и нѣкоторые актеры бывшей польской труппы г. Энгельгардта, удивляясь этому не слѣдуетъ,—въ тѣ времена рознь между русскими, поляками и малороссами не приняла еще той противоестественной нетерпимости, граничащей со слѣпой ненавистью ко всему „не нашему“, и разноязычные представители искусства были такими только *de jour*, а *de facto*—влаждали обоими языками и уживались мирно подъ одной кровлей храма, бги котораго были ими одинаково почитаемы.

Прим. авт.

⁴⁾ Чѣмъ вызвалось распушеніе балетной труппы, пользовавшейся, какъ видно изъ предъидущаго, хорошимъ успѣхомъ у кievской публики, трудно догадаться,—всего вѣрнѣе, что не рассчитывая лѣтомъ на хорошіе сборы, дирекція слѣжала это изъ денежныхъ соображеній. Здѣсь же кстати будетъ сказать, что апокрифическое извѣстіе, сообщаемое Н. Закревскимъ, въ своемъ „Описаніи Кіева“, о томъ, что будто-бы „въ мартѣ 1835 г. позволено учредить при кievскомъ театрѣ—русскую постоянную труппу актеровъ, для чего на первый случай ежегодно опредѣлено изъ городскихъ доходовъ по

Весенній сезонъ 1856 г. въ подольскомъ театрѣ открылся 18-го апрѣля тремя водевилями: «Дѣвица-отшельница», «Чудо нашего столѣтія» и «Узкіе башмаки»; въ заключеніе былъ данъ большой дивертисментъ. Театръ на открытіи былъ полонъ. Игнали бойко, дружно и весело. Польскіе пьесы входили въ репертуаръ и какъ самостоятельные программы спектаклей, такъ 20 апрѣля была дана ком. «Handel na zony ezyli lepsze cudze», переведенную: «Обманъ женъ или чужое лучше», 2-го іюня дебютировалъ съ успѣхомъ въ «Коломенскомъ моншерѣ» артистъ Императ. С. Петербург. театровъ г. Яблочкинъ. 6-го іюня въ вод. Григорьева 1-го—«Зачѣмъ иные люди женятся» выступила артистка С.-Петерб. Императ. театровъ г-жа Линская, «замѣчательно» сыгравшая роль Душляковой, затѣмъ г-жа Линская выступила въ роли Авдотьи Максимовны въ ком. А. Н. Островскаго «Не въ свои сани не садись», но мѣстные цѣнители нашли, что она для этой роли «устарѣла». Дальнѣйшій репертуаръ былъ: «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», «Браслетъ», «Завтракъ у предводителя», «Хороша и дурна, глупа и умна», «Нѣтъ дѣйствія, безъ причины», «Полковникъ старыхъ временъ», «Свадьба по барабану», «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ» и т. п.

Послѣ 16-ти спектаклей г-жа Линская и г. Яблочкинъ покинули Кіевъ. 15-го іюня умерла отъ чахотки на 36-мъ году отъ рожденія премьерша труппы г-жа Кравченкова. Наконецъ 2-го октября 1856 г. открылся новый кіевскій театръ, представлявшій по мнѣнію современниковъ, чудо архитектурнаго искусства. «Теперь я намѣренъ познакомить моихъ читателей съ этимъ великолѣпнымъ зданіемъ, безошибочно называя его первымъ во всѣхъ губернскихъ городахъ», ¹⁾ пишетъ г. Альфредъ фонъ-Юнкъ, который при всѣхъ смѣшныхъ сторонахъ своей дѣятельности ²⁾ былъ, все-же, однимъ изъ первыхъ, отважныхъ пионеровъ въ дѣлѣ насажденія, расширенія и укрѣпленія въ Кіевѣ печатнаго слова, съ живымъ и чуткимъ отношеніемъ къ вопросамъ общественной жизни по силѣ своего разумія и средствъ.

Относительно же театра, мы смѣло можемъ сказать, что только искренней и горячей любви этого человѣка къ театральнымъ зрѣлищамъ, во всѣхъ ихъ видахъ и формахъ, мы обязаны, сохраненіемъ тѣхъ драгоценныхъ свѣдѣній о жизни стараго кіевского театра, которыя мы нашли въ его рецензіяхъ, коротенькихъ замѣткахъ и корреспонденціяхъ, разбросанныхъ въ русскихъ изданіяхъ самыхъ разнообразныхъ форматовъ и направленій. Пусть будущіе дѣятели на поприщѣ кіевского театра, въ болѣе счастливые годы его существованія, такъ-же какъ мы,

три тысячи рублей серебромъ“.. и проч., не имѣетъ за собой никакой исторической достовѣрности.

Надо полагать, что всѣ эти извѣстія должны относиться не къ 1835 г., когда никакой труппы не учреждалось, а къ марту 1856 г., когда дѣйствительно происходило нѣчто подобное тому, что почтенный историкъ Кіева ошибочно отнесъ на 20 лѣтъ раньше. (Смол.: Н. Закревскій „Описаніе Кіева“

Прим. авт.

1) Смол.: А. фонъ-Юнкъ.—„Исторія Кіевского театра“ К. Т. 1859—60 г.

Прим. авт.

2) Смол.: Н. С. Лѣсковъ—„Печерскіе антики“.

Прим. авт.

съ сердечной признательностью, вспомнить имя человѣка, который всю свою жизнь боролся и ратовалъ за его интересы, какъ за свое кровное, близкое дѣло, словомъ имя Альфреда Августовича фонъ-Юнка!..

«Кіевскій новыи театръ великолѣпенъ, изященъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ обошелся казнѣ (?) 130.000 руб. Залъ театра обширенъ и весьма удобенъ; въ немъ 4 яруса ложъ, которыхъ наружныя стѣнки выходящія во внутренность зала, украшены золотой рѣзьбой въ арабескахъ, борта обиты алымъ бархатомъ, и снабжены необходимымъ возвышеніемъ, которое не допускаетъ упасть биноклю въ кресла, что часто бываетъ въ провинціи. Царская и литерныя ложи богато убраны пунцовыми бархатными драпировками, съ золотыми кистями и бахромой. На передней стѣнкѣ, у каждой изъ ложъ, канделябръ въ 7 свѣчей, а всего въ залѣ, кромѣ свѣчей въ ложахъ—420 свѣчей, не включая въ то число ни аванъ-сценныхъ лампъ, ни богатаго, изящнаго, висящаго въ серединѣ потолка люстра, полученнаго изъ С.-Петербурга, въ которомъ тоже до 50 лампъ.... Двѣ переднія занавѣсы, изображающія: первая прекрасный итальянскій видъ съ голубымъ небомъ, и всѣ декорации написаны художниками по рисункамъ г. Гропиуса, извѣстнаго декоратора берлинскаго театра. ¹⁾ На потолкѣ изображены музыкальные инструменты и маски, а на верху противъ (?) аванъ-сцены, золотой двухглавый орелъ, превосходной отдѣлки и рѣзьбы. Въ новомъ театрѣ устроены слѣдующія мѣста: въ бенуарѣ: литерныхъ ложъ 3, ²⁾ номерныхъ 17; въ бель-этажѣ: литерныхъ ложъ 4, номерныхъ 18; въ первомъ ярусѣ: литерныхъ ложъ 2, номерныхъ 18; во второмъ ярусѣ: литерныхъ ложъ 2, номерныхъ 12; креселъ 122; мѣстъ за креслами 48; въ партерѣ 50; ³⁾ въ галлерей 100 мѣстъ. Всего помѣщается особъ, считая литерныя ложи на 8, а номерныя на 6 человѣкъ—849 человѣкъ, а полный сборъ равняется 582 р. 25 коп.; при усиленной же платѣ, какъ въ первые три дня представленій, сборъ достигъ 864 р. 60 к. серебромъ. ⁴⁾ Главнымъ распорядителемъ по постройкѣ театра быть

¹⁾ Что изображала „вторая занавѣса“ неизвѣстно, такъ какъ авторъ увлекшись описаніемъ дальнѣйшихъ чудесъ вновь отстроеннаго театра, совершенно объ ней позабылъ.

Прим. авт,

²⁾ „При литерныхъ ложахъ находились отдѣльныя комнаты, въ которыхъ можно отдохнуть или оставить верхнее платье. Въ комнатахъ поставлены были диваны на пружинахъ, вольтеровскія кресла, столики и зеркала. Комната отъ ложи отдѣлялась пунцовымъ бархатнымъ драпри“.

А. ф. Ю—къ.

³⁾ Что собственно авторъ называетъ „партеромъ“ мы навѣрное не знаемъ, но изъ дальнѣйшаго можно догадаться, что подъ этимъ названіемъ онъ разумѣетъ балконъ 1-го яруса.

Прим. авт.

⁴⁾ Т. е. почти рубль (98 к.) на человѣка, что принимая во вниманіе относительную стоимость денегъ въ то время, слѣдуетъ признать безусловно дорогимъ. Если-же припомнить, что 650 мѣстъ приходилось на ложи и кресла, т. е. мѣстъ, за которыя во всякомъ случаѣ платили больше рубля, то нельзя сказать, чтобы театръ былъ удачно устроенъ въ коммерческомъ отношеніи, что и подтвердили послѣдствія. Было-бы грустно, если-бъ теперь, при постройкѣ новаго театрѣ была повторена коренная ошибка русскихъ театралныхъ зданій: преобладаніе ложъ. Вѣдь, если въ тѣ далекія времена, необходимость ихъ вызывалась и оправдывалась рѣзкой сословной разграниченностью общества, въ которомъ привилегированные классы были и наиболѣе

поручикъ корпуса Путей Сообщенія г. Беземанъ и архитекторъ г. Штромъ, а устройствомъ сцены и сценическихъ механизмовъ занимался бывшій машинистъ С.-Петербургскаго Большаго театра г. Карташевъ при помощникѣ, машинистѣ кievскаго подольскаго театра г. Лавровѣ,

«Фойѣ», продолжаетъ дальше, авторъ этого восторженнаго описанія, «не обширно, хотя богато и поразительно убрано и освѣщено. Полъ въ зрительномъ залѣ подъемный, чтобы на случай баловъ и маскарадовъ могъ соединяться со сценой; для того-же случая получено изъ берлина превосходное маскарадное зало работы г. Гропиуса. Подъѣздовъ весьма удобныхъ—четыре. Громадныя лѣстницы съ чугунными перилами ведутъ: одна въ бель-этажъ, фойѣ, и царскую ложу; другая въ бель-этажъ съ лѣвой стороны, въ 1-й и 2-й ярусы, амфитеатръ (партеръ) и галерею. Словомъ, заканчиваетъ онъ свое описаніе, театръ нашъ великолѣпенъ и роскошенъ до поразительности. Кому случится побывать въ Кіевѣ, совѣтуемъ посмотрѣть кievскій театръ¹⁾.»

Словно въ Афинахъ временъ Адріана, гдѣ вниманіе иностранца прежде всего обращали на отстроенный послѣднимъ великолѣпный храмъ Зевса Олимпійскаго.

Въ концѣ этого панегирика кievскому театру, авторъ напоминаетъ кievлянамъ, что всѣмъ этимъ великолѣпіемъ они обязаны г. Начальнику края князю И. И. Васильчикову и начал. губ. П. И. Гессе, какъ главнымъ дѣятелямъ театральнаго комитета и большимъ любителямъ драматическаго искусства. Что восторженное изумленіе передъ художественными красотами новаго театральнаго зданія не составляетъ акта личной впечатлительности г. фонъ-Юнка, а раздѣлялось и другими его современниками, можно видѣть изъ «Описанія Кіева» Н. За-кревскаго, въ которомъ, вообще не склонный къ восторженности историкъ, говорить: «фасадъ (театра) привлекаетъ простотою и граціозностью и по изяществу своему служитъ украшеніемъ города». Итакъ, 2-го октября 1856 г. этотъ, новый, «великолѣпный», храмъ музъ былъ открытъ.

Спектакль для открытія былъ не важный; давали водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ Т. Ленскаго «Стряпчій подъ столомъ», водевилъ Григорьева 1-го «Дочь русскаго актера», польскую пьесу Корженевскаго «Докторъ медицины» и дивертисментъ.²⁾ Спектакль этотъ удостоилъ

просвѣщенными и обезпеченными, давая такимъ образомъ преобладающій комплектъ посѣтителей театра, то теперь времена измѣнились; измѣнился и составъ посѣтителей театра, въ которомъ преобладаетъ необезпеченный интеллектъ, нуждающійся въ отдѣльномъ недорогомъ, но приличномъ мѣстѣ, а не въ ложѣ, которыя большою частью пустуютъ, не принося антрепренеру дохода и лишая въ тоже время настоящаго театральнаго зрителя возможности быть въ театрѣ.

Прим. авт.

1) Одно изъ важныхъ преимуществъ новаго театра авторъ справедливо видѣлъ въ томъ, что мѣста амфитеатра и галереи устроены прилично: „обиты пунцовымъ рипсомъ и нумерованы, отчего зрителямъ не приходится сидѣть другъ на другѣ, какъ въ старомъ и подольскомъ театрахъ“.

Прим. авт.

2) Дивертисментъ состоялъ изъ слѣдующихъ номеровъ: г. Соловкинъ пропѣлъ „Осѣдлаю коня“; дѣвица Вернеръ протанцовала „гарантеллу“ и г-жа Котулинская съ г. Новицкимъ—„Краковякъ“.

Прим. авт.

своимъ посѣщеніемъ Его Императорское Высочество Великій князь Михаилъ Николаевичъ, прибывшій ровно къ началу спектакля и помѣстившійся въ ложѣ съ г. начальникомъ края княземъ И. П. Васильчиковымъ. Билеты на этотъ спектакль были разобраны, что называется, на расхватъ и проданы за долго до дня представленія.

Спектакль сошелъ довольно удачно и въ драматической и въ вокально-музыкальной части; оркестромъ дирижировалъ г. Скрипицынъ. Публика все-же осталась не совсемъ довольной выборомъ пьесъ, и авторъ замѣтки объ этомъ спектаклѣ, ссылаясь на общее мнѣніе, назидательно говоритъ: «выборъ пьесъ былъ не удаченъ, слѣдовало-бы поставить: «Иголкинъ-купецъ Новгородскій», «Дѣдушка русскаго флота», «Инвалидъ на Бородинскомъ полѣ» или другую какую-либо пьесу въ этомъ родѣ, да начать спектакль не пустымъ фарсомъ, а «Боже Царя храни»,—было-бы гораздо приличнѣе».

Мнѣніе резонное, торжественность событія очень много потеряла отъ такой легкомысленной и пустой программы. Дальнѣйшій репертуаръ былъ: 7-го октября «Отецъ какихъ мало», «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ»; 11-го окт. бенефисъ г. Васильева, «Анжелло Молиари или Венеціанская актриса», и «Полковникъ старыхъ временъ». 15-го «Житетская школа», «Свирѣпый американецъ», 29-го «Украинцы» опер. бенефисъ г-жи Засимовичъ. 1-го ноября «Свадьба по барабану», «Покійникъ мужъ и его вдова», бенефисъ г-жи Звѣревой. Труппа нѣсколько измѣнилась: прибыли гг. Ивановъ, Васильевъ, Саловъ, Шредеръ. Г-жи Яблочкина, Салова, Млотковская, Полева; выбыла умершая г-жа Кравченкова. За начало и середину сезона 1857—58 г. мы не имѣемъ свѣдѣній, но врядъ-ли, если судить по результату, ходъ дѣла былъ успѣшнѣе. Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго; очевидно, что театральныи комитетъ, состоявшій изъ людей обремененныхъ обязанностями службы, людей вовсе не подготовленныхъ къ хлопотливой, требующей большой внимательности, даже ко всякимъ мелочамъ, дѣятельности, неизбежно связанной съ фактическимъ управленіемъ театромъ, оказался не на высотѣ своей задачи; репертуаръ падалъ, труппа не дѣлала сборовъ, сталъ обрисовываться грозный призракъ дефицита, покрывать который было не откуда... Само собой разумѣется, что чиновный персоналъ комитета, воспитавшійся на бюрократически точныхъ понятіяхъ о «приходѣ-расходѣ» казенныхъ суммъ, долженъ былъ растеряться, когда дѣло «прихода» приняло такой грустный оборотъ ¹⁾.

1) Намъ хотѣлось-бы думать, хотя другія мысли настойчиво приходятъ въ голову, что паденіе русскаго театра было только естественнымъ слѣдствіемъ слабости труппы и репертуара, а не слабость труппы и репертуара были результатомъ ловко веденной интриги представителями польской партіи, которой необходимо было завладѣть театромъ, и пользуясь близорукой довѣрчивостью администраціи, сдѣлать его лучшимъ проводникомъ своихъ сепаратистскихъ идей. Уронивъ русскій театръ въ глазахъ общества и администраціи легко было имъ завладѣть, а тамъ уже цѣль оправдывается средствами... И исторія кievскаго театра, разсматриваемая въ связи съ ходомъ политическихъ событій того времени, какъ нельзя лучше поддается такому сопоставленію.

Надо было выпутываться, и тутъ, какъ разъ кетати, подвернулось любезное предложеніе предводителя дворянства г. Октавіана Ярошинскаго, бывшаго однимъ изъ членовъ театральнаго комитета, сдать театръ директору гостившей въ Кіевѣ польской труппы г. Борковскому съ условіемъ пополнить всѣ денежные прорѣхи.

Такимъ образомъ въ декабрѣ 1858 г. оба ¹⁾ кіевскіе театра были сданы по контракту на 6 лѣтъ Теофилу Борковскому, ²⁾ по происхожденію галиційскому поляку, содержавшему раньше труппу въ г. Лембергѣ, съ обязательствомъ держать «и русскую труппу» ³⁾. И такъ, во главѣ русскаго театральнаго дѣла въ Кіевѣ, на цѣлыя шесть лѣтъ, сталъ иностранецъ, только что прибывшій изъ за границы, не знакомый, ни съ языкомъ, ни съ исторіей театра, которымъ онъ былъ призванъ управлять, челоѣкъ, который своимъ новымъ, почетнымъ и выгоднымъ положеніемъ былъ обязанъ вліянію партіи, враждебной всему русскому, партіи, которая, какъ показали послѣдствія, стремилась уничтожить, парализовать всѣ культурныя усилія русской администраціи и общественности и, не столько сохранить свои національныя преимущества, сколько колонизировать, окатоличить и поработить русское и православное населеніе края...

Чего, спрашивается, могло ожидать дѣло русскаго театра отъ г. Борковскаго, если даже оно дѣйствительно было слабо и нуждалось въ поддержкѣ? Впрочемъ, объ этомъ постѣ, теперь возвратимся къ теченію событій въ послѣдовательномъ порядкѣ. Театральный комитетъ, продолжавшій номинально сохранять свои отношенія къ театру былъ нѣсколько преобразованъ; сохранивъ губернатора Гессе въ качествѣ предсѣдателя, онъ состоялъ: изъ гг. вице-губернатора—Селецкаго, городского головы—Покровскаго, полиціймейстера—Ивенсона и Т. Борковскаго, въ качествѣ директора театра, замѣстившаго въ комитетѣ г. губерн. предводителя дворянства.

1) Театръ на Подолѣ просуществовалъ только до 1859 года, когда каменное зданіе подольскаго театра было снова обращено въ этапный домъ.

Прим. авт.

2) Какъ курьезъ можно привести то обстоятельство, что театръ не только не былъ застрахованъ, но по заключеніи контракта городъ выплачивалъ ежегодно г. Борковскому „изрядную сумму“ на устройство печей и чистку трубъ „во избѣжаніе пожара“.

Прим. авт.

3) Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ самъ г. Борковский: „Въ 1858 г. волынское дворянство пригласило изъ-за границы директора Борковскаго къ себѣ въ Житомиръ, но предводитель кіевскаго губернскаго дворянства, Октавіанъ Ярошинскій *старался*, что-бы правительство разрѣшило пріѣхать Борковскому въ Кіевъ. Послѣдній пріѣхалъ въ Кіевъ съ польскою труппой 1-го сентября 1858 г. Въ Кіевѣ была тогда русская труппа, такъ что спектакли шли попеременно, причемъ русская труппа сборовъ не дѣлала. Тогда генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ отдалъ объ труппы подѣ управленіе Борковскаго, съ правомъ не антрепренера, а директора, съ обязательствомъ погасить всѣ долги театра изъ доходовъ послѣдняго“, (Т. Борковский, газ. Ж. и Иск. № 67, 96 г.). Очень жаль только, что г. Борковский такъ любезно сообщившій о своихъ обязательствахъ передъ краковскою академіей, для которой онъ пишетъ исторію театра, ничего не сообщаетъ о томъ, какими мотивами оправдывалъ г. Ярошинскій необходимость призванія г. Борковскаго и врученія ему судьбы русскаго театра. Будемъ надеяться, что мы узнаемъ объ этомъ когда исторія будетъ написана.

Прим. авт.

20-го декабря 1858 г., г. Борковский вступилъ въ исполненіе обязанностей директора театра. Наконецъ огромныя афиши возвѣстили, что произойдетъ слияніе русской труппы съ польскою, будетъ спущено вензелевое изображеніе имени Государя Императора, передъ которымъ русскіе актеры, подавъ братскую руку польскимъ, пропоютъ вмѣстѣ «Боже Царя храни»... ¹⁾ На другой день вечеромъ, улицы къ театру были ярко освѣщены; весь театръ словно горѣлъ въ огнѣ; безконечный рядъ экипажей съ представителями польскаго общества, торжественно подъѣзжалъ къ театральному подъѣзду. Предстоявшее зрѣлище было настолько необычайно, что театръ былъ набитъ съ верху до низу, всѣ мѣста оказались заняты. Взвился занавѣсъ. Взорамъ представился самъ директоръ г. Борковский во фракѣ, съ длинною трубкой въ зубахъ. Онъ важно прохаживался по авансценѣ, вызывая по очередно, изъ-за кулисъ актеровъ русской труппы. Артисты выходили на сцену и являли свое искусство. Когда русскій актеръ по мнѣнію г. Борковского заслуживалъ быть принятымъ въ его труппу, то онъ громко объявлялъ ему объ этомъ, хлопалъ покровительственно по плечу и дарилъ сигару. Въ числѣ русскихъ актеровъ подвергнувшихся этой унижительной операциі былъ и талантливый комикъ Ивановъ, а также извѣстный впослѣдствіи П. Никитинъ. Польская публика хохотала надъ одураченными актерами и новая унія не состоялась. «Боже Царя храни», тѣмъ не менѣе, пѣли и вензель спускался, отвага польскихъ демонстрантовъ такъ далеко не простиралась. Начавъ такимъ путемъ г. Борковский и дальше продолжалъ шествовать тѣмъ-же путемъ. Русская драма, нужная только для отвода глазъ кому слѣдуетъ, была отодвинута на задній планъ и, какъ мы увидимъ, влечила жалкое существованіе. Польскій репертуаръ за то былъ чрезвычайно богатъ и разнообразенъ. Всѣ пьесы, запрещенныя къ представленію въ Варшавѣ и Вильнѣ, свободно давались въ Кіевѣ, сдѣлавшимся центральной сценою польскаго театра извѣстнаго направленія. Зрительный залъ дрожалъ отъ криковъ и рукоплесканій, когда 50 паръ кунтушевыхъ пановъ и паненокъ танцовали краковикъ и мазурку подъ аккомпаниментъ куплетовъ вродѣ слѣдующихъ:

„Kiedy wtanie polski stanie
Was pokręci, tupnie nogą.
W tej postawie szli ojcowie
W wielci taniec przeciw wroga“!.. ²⁾

«Зрительная зала, говоритъ современникъ, представляла сеймовой залъ, въ которомъ въ венгеркахъ съ лихо закрученными усами воссѣдали не зрители только, а представители всѣхъ воеводствъ, староствъ и повѣтовъ «забраной Польши», собравшихся не столько для усажденія

1) Смот. „Театральная унія въ Кіевѣ“. Кіевлян. № 56—65 г. Прим. авт.

2) Вотъ приблизительный смыслъ этого куплета:

„Когда ты танцуешь польскій
И закручивая усь топаешь ногой,—
То помни, что съ такой же осанкой
Наши дѣды шли и въ великій танецъ противъ врага“...

т. е. въ возстаніе 1838 г.?... Для исполненія танцевъ снова былъ въ 1859 г. выписанъ изъ Варшавы г. Морисъ-Ціонъ съ балетною труппой. Прим. авт.

своихъ взоровъ лихимъ исполненіемъ національныхъ танцевъ, сколько для обсужденія дѣла подготовлявшагося возстанія ¹⁾). Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла въ общественномъ театрѣ, въ русскомъ обществѣ возникла реакція, началось серьезное движеніе въ сторону насажденія чисто-русской драмы.

Въ актовъ залѣ университета св. Владиміра стали устраиваться любительскіе спектакли, въ которыхъ исполнителями были студенты университета. Весьма дѣятельное участіе въ этихъ спектакляхъ принималъ профессоръ А. И. Селинъ. Эти студенческіе спектакли встрѣтили сочувствіе въ русскомъ обществѣ и полное вниманіе и содѣйствіе со стороны попечителя г. Ребиндера. Открылись спектакли въ 1859 г. ²⁾ представленіемъ безсмертной комедіи Грибоедова «Горе отъ ума». Затѣмъ дѣятельность разросшагося кружка была перенесена на сцену городского театра и мы съ ней въ свое время встрѣтимся. Свѣдѣнія о дѣятельности кружка и вообще довольно скудныя, почти совершенно прекращаются съ 1863 г., когда бурныя событія несравненно важнѣйшаго характера заслонили собою интересы мирнаго искусства.

Къ числу наиболѣе видныхъ и талантливыхъ представителей этого артистическаго товарищества принадлежали: покойный артистъ Импер. С.-Петербург. театровъ И. П. Монаховъ и нынѣ благополучно здравствующій присяжный повѣренный Н. П. Орловъ, тогда оба студенты университета. Спектакли кружка, члены котораго вполнѣ принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества, были вначалѣ содержательны и популярны. Публика охотно наполняла зрительную залу городского театра, въ которомъ, кружокъ не имѣвшій своего помѣщенія, изрѣдка давалъ представленія. Присоединивъ къ драматическимъ спектаклямъ музыкальныя отдѣленія, увеличившійся значительно въ своемъ объемѣ кружокъ принялъ названіе «*филормоническаго общества*», существованіе котораго было впрочемъ очень кратковременно. Недостатокъ свѣдѣній о дальнѣйшей дѣятельности общества объясняется еще и тѣмъ, что и самая дѣятельность кружка, вышедшаго изъ предѣловъ дружескаго общества, должна была прекратиться влѣдствіе личныхъ и денежныхъ счетовъ между его членами, мало подготовленными къ совместной общественной дѣятельности и умѣявшими ставить успѣхъ и интересы общаго дѣла выше личнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе, короткая дѣятельность общества не прошла совершенно безплодной и почва для музыкальнаго и драматическаго любительства, возродившагося въ 70-хъ годахъ, была подготовлена. Пусть намъ извинятъ читатели это немного длинное отступленіе, необходимое для уясненія тѣхъ общественныхъ условій среди которыхъ приходилось жить и бороться за свое существованіе русскому драматическому театру.

Сезонъ 1856—57 г. закончился 17-го февраля «Женитьбой» Н. В. Гоголя, вод. «Бабушкины попутан» Хмѣльницкаго и «Хоть тресни, да

¹⁾ Вполнѣ вѣдствіи Борковскаго обвиняли чуть-ли не въ эмисарствѣ отъ „народовой справы“ и, надо думать, не совсѣмъ ужъ неосновательно.

Прим. авт.

²⁾ Смот. „Обзоръ 10-лѣтней дѣятельности Киевск. Русскаго Драмат. Общества“ рѣчь—М. Е. Краинскаго. „Исторія музыки въ Киевѣ“ А. де-Рибаса.

Прим. авт.

найди дочкѣ мужа!.. перев. Бойкова. Въ разнообразномъ дивертисментѣ приняли участіе польская драматическая и балетная труппы.

Всего съ 18 апрѣля 1856 г. по 17 февраля 1857 г. было дано 172 спектакли. Конецъ сезона тоже не блисталъ содержательностью репертуара, въ которомъ преобладаютъ водевилы.

Кромѣ «Женитьбы» можно назвать еще только комедію г. Сухово-Кобылина—«Свадьба Кречинскаго», шедшую 1-й разъ въ бенефисъ г. Никитина 14-го февраля 1857 г. Роль Кречинскаго исполнялъ г. Никитинъ, Расплюева—Ивановъ, Лидочки—Звѣрева, Нелькина—Чеховичъ (полякъ). Исполненіе признается слабымъ.

За сезонъ 1857—58 г. мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, ни о репертуарѣ, ни о личномъ составѣ труппы 1). 1859 г. 26 сентября г. Никитинъ поставилъ въ свой бенефисъ драму Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не идетъ», въ которой самъ сыгралъ роль Михайлы, г-жа Фабіанская—Татьяны. Въ опереткѣ «Передъ свадьбой», шедшей въ заключеніе спектакли, они-же изображали Жано и Жаннету. Частое совмѣстное исполненіе не прошло безслѣдно и г-жа Фабіанская вскорѣ превратилась въ г-жу—Фабіанскую-Никитину. Г. Никитина аттестуютъ, какъ «красиваго мужчину, съ хорошими сценическими способностями», но небрежнымъ отношеніемъ къ изученію ролей, при склонности къ «эффектному и вычурному исполненію». Труппа состояла: изъ г-жъ Фабіанской, Млотковской, Ивановой, Лавровой. Гг. Никитина, Иванова, Дмитріева, Лаврова, Соловьева, Стремлянова, Хилинскаго, Семенова. Балетныя представленія по прежнему неразлучны съ драмой. Въ бенефисъ г. Никитина долженъ былъ-бы идти балетъ «Веселье въ Ойцовѣ», («Крестыанская свадьба») но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ не шель и «мазурка въ 16 паръ не состоялась». Грустно!.. Все это было замѣнено отдѣльными номерами танцевъ, изъ которыхъ г-жа и г. Морисъ исполнили польку, г-жа Шенвальдъ «Silfiden valzen», а дѣвица Хойстъ—solo мазурку...

На 29 сентября была назначена «Женитьба» Н. В. Гоголя, но въ самый вечеръ спектакли ее отмѣнили, уступивъ театръ «сѣверному магу» Герману Монгаупту, присоединивъ къ магическому представленію два водевила: «Картинка съ натуры» и «Мотя». Публика недовольная такой неожиданностью и безцеремоннымъ отношеніемъ къ Гоголю, потребовала г. Борковскаго для объясненій. Онъ не явился. Поднялся гвалтъ... Зрители раздѣлились на партіи. Когда кто-то изъ сторонниковъ г. Борковскаго сталъ увѣрять, что «директоръ» здѣсь не причемъ, что виноватъ режиссеръ, такъ какъ г. Борковский не мѣшается въ дѣла русской труппы 2)... То ему резонно возразили: «А деньги изъ кассы

1) Относительно личнаго состава можно съ полной достовѣрностью сказать лишь о томъ, что главные силы русской труппы состояли изъ г-жъ: Фабіанской, Млотковской; гг. Никитина, Иванова, Яковлева. Г-жа Фабіанская актриса польской житомирской труппы, съ большимъ успѣхомъ дебютировала въ Кіевѣ въ концѣ мая 57 г. въ „Дочери 2-го полка“ и „Материнскомъ благословеніи“

Прим. авт.

2) Последнее обстоятельство было совершенно не въ характерѣ тогдашняго „директора“ кіевского театра, совершенно напротивъ, г. Борковский очень ревниво оберегалъ свои прерогативы и издалъ даже въ 61 г. подъ названіемъ „обязательныхъ правилъ для служащихъ въ кіевскомъ“

береть»?.. Шумъ кончился тѣмъ, что вышелъ режиссеръ г. Ивановъ, извинился передъ публикой и объяснилъ, что внезапная замѣна «Женитьбы» вызвана болѣзнию г. Дмитріева... 30-го октября бенефисъ г-жи Фабианской—«Купленное дитя или мать преступника» драма, переводъ съ франц. въ 3 дѣйств., водевиль въ 1 д. Кони «Мужъ Геркулесъ, жена Діана или бракъ XIX ст.» и вод. «Взаимное обученіе», въ которомъ г. Никитинъ декламировалъ: «Какъ яблочко румянъ» и «очень ловко» танцевалъ съ г-жей Фабианской—польку... 13-го ноября «Дѣтскій докторъ» др. Буржуа и Доннэри въ 5 д. перев. Востокова и вод. «Одинъ за двухъ и двѣ вмѣсто одной». Въ драмѣ этой въ роли Делорменя дебютировалъ г. Петрашевскій, про котораго говорится: «о выполненіи имъ этой роли можно сказать только, что онъ ее знаетъ твердо, старался играть хорошо, но талантъ отъ Бога»!.. съ грустью заканчивается рецензентъ. Вообще спектакли шли не важно, исполнялись и обставлялись небрежно, какъ-бы изъ желанія нарочно уронить дѣло русской драмы, и безъ того не пользовавшееся большимъ престижемъ у преобладающихъ элементовъ театальной публики. Вотъ для характеристики отношенія публики къ представленію «Ревизора» Н. В. Гоголя, исполненнаго 13 февраля 1860 г., въ субботу на масляной недѣлѣ: «Послѣ спектакля назначенъ былъ маскарадъ и публика стала съѣзжаться только къ концу спектакля, пріѣхавъ очевидно только для маскарада, такъ какъ во все время представленія пьесы, театръ былъ почти пустъ»... Несмотря на масляную недѣлю и конецъ сезона!.. Это обстоятельство даетъ рецензенту возможность высказать нѣсколько горькихъ истинъ по адресу общества, равнодушнаго, даже, гениальную комедію Гоголя позволило отодвинуть на мѣсто пьесъ играемыхъ для съѣзда посѣтителей маскарада... Исполненіе было самое небрежное и всѣ лица комедіи явились въ «карикатурномъ видѣ». Ни городничій—Ивановъ, ни Осипъ—Яковлевъ, ни даже Хлестаковъ—Никитинъ не были на высотѣ своей задачи, что впрочемъ отчасти и понятно, принявъ во вниманіе, что зрители интересовались гоголевской пьесой столько-же сколько прошлогоднимъ снѣгомъ... Авторъ этой рецензіи, основываясь на письмахъ Гоголя и на преемственности гоголевскихъ типовъ, мѣняющихся по времени только внѣшнія формы, проводитъ смѣлую мысль играть «Ревизора» не въ костюмахъ современныхъ появленію комедіи, а въ костюмахъ современныхъ каждому данному представленію. Мысль не лишенная оригинальности.

Великимъ постомъ по инициативѣ г. Никитина устраивались литературные вечера, сборъ съ которыхъ предназначался въ пользу только

театръ“ цѣлое „уложеніе о наказаніяхъ“, очень любопытное своей драконовской суровостью и тартофескимъ отношеніемъ къ чужой нравственности. Вотъ выдержки изъ этихъ правилъ: § I—„По общимъ постановленіямъ всѣхъ театровъ Европы, съ незамужней или не живущей съ мужемъ актрисы, которая по беременности не можетъ исправлять своей должности, взыскиваются всѣ убытки, которые отъ сего могутъ произойти“. Въ слѣдующихъ §§ значилось: „Не плевать на сценѣ на полъ“... Дальше: „не цѣловаться на сценѣ въ губы“. „Не дозволяется ни подъ какимъ видомъ открывать театральныя тайны (?) и т. п. (Смот. Л. Самсоновъ—„Театр. дѣло въ провинціи“). (Смот. А. Скальковский „Віограф. очеркъ одесскаго театра“).

Прим. авт.

что образовавшегося въ Петербургѣ литературнаго фонда, но успѣха эти вечера не имѣли.

Весенніе спектакли начались апрѣля 28-го «Парашей-Сибирячкой» Н. Полевого, въ которой дебютировала г-жа Павлова. Успѣхъ дебютантка имѣла большой, оказавшись хорошей актрисой съ чрезвычайно выгодной сценической внѣшностью, «благородной манерой дикціи, пріятнымъ органомъ (голоса), имѣя кромѣ того еще крупное достоинство: умѣнье говорить чистымъ русскимъ языкомъ—а это весьма рѣдко встрѣчается въ провинціи»—и, вѣроятно, не въ одномъ только юго-западномъ краѣ. Оцѣнка правильная и замѣчанія цѣнныя, говорящія въ пользу основательнаго знакомства автора съ театральнымъ искусствомъ и его требованіями. Дальнѣйшія роли, сыгранныя г-жей Павловой: Амалия—«30 лѣтъ или жизнь игрока», Дуни—«Станціонный смотритель», Лизы—«Барышня-крестьянка», подтвердили это лестное мнѣніе 1).

Спектакли давались черезъ день съ польскими, репертуаръ не отличался большимъ разнообразіемъ. Такъ, въ числѣ русскихъ пьесъ, поставленныхъ за май и начало іюня, встрѣчаются почти все одни и тѣ-же заглавія: «Скользяій путь» Королева, «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», др. Дюканка, пер. Р. Зотова, «Кошій» др. Яфимовича; «Параша-сибирячка» Н. Полевого; «Отольются волку, овечьи слезки» Потѣхина 2) и т. п.

19-го іюня дебютировали супруги Некрасовы: Г-жа Некрасова въ водевиляхъ: «Цыганка» и «Взаимное обученіе», съ хорошимъ успѣхомъ; г-нъ же Некрасовъ, именовавшій себя артистомъ Императ. С.-Петербург. театровъ, занимавшемъ должность режиссера, выступилъ 21-го въ ком. А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ» ролью Любима Торцова, но съ успѣхомъ весьма слабымъ. Г-жа Некрасова оказалась хорошей, хотя нѣсколько фривольной, водевильной актрисой и съ неизмѣннымъ успѣхомъ сыграла роли въ слѣдующихъ водевиляхъ: «Дочь русскаго актера», «Водевиль съ переодѣваніемъ», «Дайте мнѣ старуху», «Любовное зелье», «Картинка съ натуры»... заслуживъ положительную похвалу, «пріятной актрисы съ хорошимъ голосомъ, живой, граціозной наружностью, могущей служить украшеніемъ любой сцены». Г. Некрасовъ для втораго дебюта уже безъ всякаго успѣха сыгралъ роль Вырина въ «Станціонномъ смотрителѣ» Н. Куликова, и перешелъ на водевильныя роли, въ которыхъ и отдѣльно—«Незнакомые знакомцы», и вмѣстѣ съ женой—«Водевиль съ переодѣваніемъ», пользовался хоро-

1) Тѣмъ не менѣе г-жа Павлова не осталась служить на кievской сценѣ, оставивъ ее при довольно курьезныхъ обстоятельствахъ: супругъ г-жи Павловой, обиженный отказомъ г. Борковского въ выдачѣ ему дарового билета на спектакли съ участіемъ его жены, отправился среди дѣйствія на сцену, взявъ свою благовѣрную половину за руку и увелъ изъ театра. Спектакль прекратился и изумленные зрители разошлись, какъ говорится, не солоно хлебавши. Прим. авт.

2) Изъ польскихъ пьесъ пользовались успѣхомъ: „Stara swateczyna“, „Smic iub majatek“, „Maria Malczewskiego“ и главнымъ образомъ комедія Корженевскаго „Mazi konkurent“ съ г-жей Годомской и г. Бенда въ главныхъ роляхъ. Самого г. Борковского тоже хвалятъ, какъ талантливаго исполнителя, но особенной талантливостью отличалась начинавшая актриса дѣвица Козловская, которой пророчили блестящее будущее. Прим. авт.

шимъ устѣхомъ. Собственно говоря, г-жу Некрасову пригласили на главные роли въ комедіи, амплуа съ отъѣздомъ г-жи Фабіанской оказавшееся незамѣненнымъ; перейдя-же на роли въ водевиляхъ, она заняла амплуа, на которое въ труппѣ уже имѣлась талантливая актриса г-жа Иванова-младшая дочь извѣстнаго комика ¹⁾. Вообще, составъ труппы лѣтняго сезона былъ приблизительно слѣдующій: г-жи Павлова Некрасова, Иванова-старшая, Иванова-младшая, Хейль, Степанова, Андерсенъ. Гг. Ивановъ, Некрасовъ, Дмитріевъ, Ольшанскій, Семеновъ... объ остальныхъ кратко сказано: «ихъ много, да толку отъ нихъ мало: въ русскомъ языкѣ хромають»; это были тѣ актеры, которые исполняли вторыя роли въ русскихъ и польскихъ спектакляхъ... экономіи ради...

Зимній сезонъ 1860—61 г. открылся приблизительно 11-го сентября драмой Яфимовича—«Владиміръ Заревскій» съ г. Ѳеодоровымъ въ главной роли; дебютантъ понравился, какъ актеръ съ хорошимъ голосомъ, правильнымъ произношеніемъ и красивой фигурой, но отсутствіе чувства и нѣкоторая наклонность къ позировкѣ много вредили цѣльности исполненія. 13-го сентября онъ сыгралъ Морица въ «Графинѣ Кларѣ д'Обервилѣ», 15-го Нино въ «Уголино» Н. Полевого, 17-го Кузьму Рощина въ драмѣ Бахтурина того-же названія, 20-го Гамлета, и, не сойдясь съ Борковскимъ въ условіяхъ, уѣхалъ изъ Кіева. Другая дебютантка, г-жа Петрова, сыграла Клару, — «Графиня Клара д'Обервилѣ» и Гритю въ вод. Д. Т. Ленскаго «Дезертиръ», но безъ особеннаго успѣха; нашли, что она актриса умная и опытная, но холодная. Вездѣ чувствовалось, что она не живетъ на сценѣ, а представляетъ. Дальше шли дебюты гг. Нѣмова, Шумскаго и г-жи Нѣмовой. Г. Нѣмовъ въ «Графинѣ Кларѣ д'Обервилѣ» заслужилъ упрекъ въ «деревянности» ²⁾. Шумскій, выступившій въ «Дезертирѣ», «Розовомъ павильонѣ»,—обнаружилъ большую наклонность къ шаржу, и только одна г-жа Нѣмова получила аттестатъ актрисы «умной и пріятной, говорящей на сценѣ умно и просто». Чего нельзя было сказать о г. Некрасовѣ, который—«ничего не дѣлалъ просто, естественно, даже въ платокъ сморкался какъ-то особенно». Въ этомъ упрекали и талантливаго «комика-буффъ» г. Иванова, который понималъ свои роли слишкомъ односторонне; «усердно накладывая густыя краски онъ выдѣлялъ какую нибудь одну черту изображаемаго лица: такъ,--злѣдѣй, въ его изображеніи, и по наружности и по манерамъ вылитымъ злѣдѣемъ и выходилъ». Г-жу Млотковскую—«любимицу кіевской публики»—хваляютъ, какъ незамѣнимую актрису на роли старыхъ свахъ, купчихъ, словомъ амплуа комическихъ старухъ. Остальные артисты труппы были: г-жи Протасова, Иванова-младшая, Иванова-старшая, Хейль, Некрасова, Васильева, Добруцкая, Милославская. Гг. Ольшанскій, Бушено, Дмитріевъ, Семеновъ, Соболевъ, Руслановъ, Максимовъ, Ѳеодоровъ 2-й, Хейль... Послѣ «Гамлета» шелъ вод. «Цампа—Цампѣ рознь», въ которомъ участвовали г-жи Иванова млад-

¹⁾ Про Иванову-старшую, жену комика, говорилось, что „она выдѣлялась изъ труппы рѣдкимъ знаніемъ ролей и столь-же рѣдкой бездарностью“.

Прим. авт.

²⁾ Судьба всѣхъ Нѣмовыхъ на кіевской сценѣ.

Прим. авт.

шая, Некрасова, гг. Ивановъ, Нѣмовъ и Шумскій; разыгранъ былъ водевиль очень бойко и весело, но когда дѣло дошло до пѣнія, то между артистами и оркестромъ произошло крупное недоразумѣніе: ничего изъ пѣнія разобрать было нельзя, а тутъ еще, какъ на грѣхъ, чьи-то зычные голоса изъ галлерей потребовали «мазура», что окончательно смутило исполнителей и заключительный номеръ потерпѣлъ полное фіаско. Цѣны на «Гамлета» (онъ шелъ въ вознагражденіе *бесплатныхъ* дебютовъ г. Оедорова, такъ какъ г. Борковский за дебюты не платить, не приглашая русскихъ артистовъ, а ожидать покуда они сами явятся, памятуя что «хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ») были слегка измѣненные: первые два ряда креселъ—3 р., слѣдующіе три—2 р.; логи бенуара и бель-этажа по 9 руб. ¹⁾.

Кромѣ г. Оедорова въ «Гамлетѣ» принимали участіе: г-жа Петрова—Офелія, г. Ивановъ—Полоній, г. Ольшанскій—Лаэртъ, г. Дмитриевъ—король, г-жа Млотковская—королева. Успѣхъ г. Оедорова въ «Гамлетѣ» былъ меньше чѣмъ въ первыхъ его дебютахъ, роль свою онъ сыгралъ рутинно, со всѣми обычными приѣмами провинціальныхъ трагиковъ, даже «безъ понятія о возможности вдохновенія!...» Разыграна пьеса была очень слабо, актеры вовсе не поняли своихъ ролей... Въ зрительной залѣ царилъ настоящій хаосъ. Публика, по преимуществу польская молодежь, вела себя, какъ дома: шикала, смѣялась надъ вызванными актерами, галлерей вслухъ перекидывалась остротами насчетъ той или другой подробности исполненія, путая актеровъ и нарушая правильный ходъ спектакля...

Жутко, мы думаемъ, приходилось гг. исполнителямъ, передъ столь развязными зрителями; неудивительно, что они «не поняли ролей», врядъ-ли имъ было до проявленія своихъ понятій, изъ нихъ каждый, вѣроятно, спѣшилъ поскорѣе убраться за кулисы...

11-го октября идетъ 1-й разъ «Гроза»; поставлена пьеса была съ одной репетиціи и успѣха не имѣла. Роль Катерины оказалась не въ средствахъ г-жи Петровой. Въ октябрѣ же идетъ въ 1-й разъ и драма Чернышева «Отецъ семейства». Дебютировавшая вмѣстѣ съ «Грозой» балетная труппа Бейса, тоже не имѣла успѣха, вѣроятно, за компанію... 18-го октября бенефисъ г-жи Некрасовой, поставившей «Игроковъ» Н. В. Гоголя и ком. Красовскаго «Женихъ изъ ножевой линіи». Актрису хвалятъ за выборъ,—«такъ какъ лучше смѣяться въ водевилѣ, чѣмъ хохотать въ трагедіи подъ акомпаниментъ свиста галлерей»... Скандалы на русскихъ представленіяхъ были часты и разнообразны; такъ, 16-го ноября, на представленіи ком. А. Н. Островскаго «Не въ свои сани не садись», компанія молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ либерной ложѣ, шикала и свистала во все время представленія и, усѣвшись на бортъ своей логи, эти милые юноши бросали на сцену объѣдками яблочь.

«Намъ извѣстны», пишетъ въ Кіев. Телеграфъ очевидецъ этого событія ²⁾, фамиліи этихъ господъ, слѣдовало-бы ихъ публично разобла-

¹⁾ Обыкновенныя цѣны были слѣдующія: кресло 1-го ряда—4 р.; отъ 2 до 5 ряд. —2 р., остальные—1 р. 50 к. Галлерей—40 к. Ложи бенуаръ и бель-этажа по 7 руб. Такія цѣны считались дорогими. Прим. авт.

²⁾ Смот. „Кіевскій Телеграфъ“ за 1860 г. № 59.

читать, но мы оставляемъ (страха ради іудейска!..) ихъ скрытыми до другого подобнаго скандала, вовсе неподходящаго къ нашему вѣку». Огорченный авторъ пускается даже по этому поводу, не совсѣмъ благополучно, на скользкій путь историческихъ параллелей. «Въ древности, пишетъ онъ, еще у грековъ, были представленія на сценѣ божественныхъ мистерій, въ нихъ изображалась жизнь нашего Спасителя и греки посѣщали театръ съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ и достоинствомъ (?). Въ тѣ времена не было ни прогресса, ни народнаго образованія, а теперь когда эти два вопроса стоятъ на главномъ планѣ, мы изъ театра дѣлаемъ какой-то балаганъ, кто что хочетъ, тотъ то въ немъ и дѣлаетъ: пришла фантазія свистать—свищутъ, вздумали шикать—шикаютъ; сдѣлать изъ галлерей обидный вопросъ актеру или закричать оркестру во время хода дѣйствія—играй мазурку!—все это ровно ничего не значитъ», составляя, такъ сказать, обыденное явленіе театральной жизни... «Въ креслахъ кто нибудь чихнетъ, а изъ галлерей раздаются сейчасъ-же возгласы: «браво! фора!...» Мало этого, дѣло дошло до того, что начали бросать на сцену яблоки, огурцы, камушки завернутые въ записки и т. п. Право скоро опасно будетъ сидѣть въ креслахъ, чтобы не попалъ камень или огурецъ въ голову. При такихъ скандалахъ слѣдуетъ ожидать, что театръ закроютъ и мы останемся безъ театральныхъ представленій».... Положеніе дѣйствительно не завидное.

Въ концѣ ноября играли—«Чужое добро въ прокъ не идетъ» др. А. Потѣхина. Г-жа Протасова поставила въ свой бенефисъ «Браслетъ» ком. бар. Корфа, вод. въ 3 дѣйств. Н. Куликова «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», въ которомъ дебютировала ея супруга г. Протасовъ въ роли Антона Шарова «одною изъ лучшихъ въ репертуарѣ г. Никитина»¹⁾ и вод. «Я выдаю дочку замужъ» съ «граціозной» Некрасовой въ главной роли.

Г-жа Протасова, вмѣсто г-жи Некрасовой, замѣнила г-жу Фабіанскую въ главныхъ роляхъ комедіи; ее хвалятъ, какъ талантливую актрису и на амблѣ драматическихъ героинь, такъ она съ хорошимъ успѣхомъ сыграла: Каролину въ «Порывѣ» Юрьевой, Амацію—«Жизни игрока» Дюканжа, и Элеонору—«Далиль» Октава Фелье... Въ ея исполненіи цѣнили главнымъ образомъ силу и искренность чувства въ связи съ простотой ихъ выраженія. Г. Протасовъ тоже былъ человѣкъ даровитый, но г. Борковский почему-то упорно не хотѣлъ воспользоваться его дарованіями, такъ что онъ проживалъ въ Кіевѣ, что называется «не у дѣтъ», появляясь изрѣдка на сценѣ въ бенефисы жены и своихъ добрыхъ знакомыхъ. Публикѣ онъ понравился, хотя сыгралъ только три роли: Шарова—«Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», Березкина—«Я выдаю дочку замужъ» и Гальса—«Заколдованный принцъ». 8-го декабря—спектакль любителей—«Житейская школа» ком. Григорьева 1-го и «Андрей Степанычъ Бука» вод. его-же; сборъ предназначался въ пользу воскресныхъ школъ. 20-го бенефисъ г. Некрасова «Каменный гость» А. С. Пушкина и вод. «Цыганка», при чемъ, одно изъ лучшихъ произведеній

¹⁾ Репертуаръ этого артиста отличался большимъ разнообразіемъ отъ Шарова до Гамлета включительно. Прим. авт.

гениальнѣйшаго русскаго поэта получило въ отзывѣ объ этомъ спектаклѣ характеристику—«пустышкой» и оттого уже нигдѣ не играемой пьесы».—30-го бенефисъ г. Дмитріева—«Нищя» пер. драма неизвѣст. автора съ Н. И. Протасовой въ главной роли.

Дѣла въ русской труппѣ шли очень плохо, а съ бенефисами пошли еще хуже, распущенность царила полная: актеры вовсе не учили ролей и публика сплошь и рядомъ слушала пьесу въ чтеніи надрывавшагося суфлера. Обвиняли главнымъ образомъ неумѣнье и неавторитетность г. Дмитріева, бывшаго режиссеромъ; его небрежности и непониманію дѣла приписывали неуспѣхъ даже такихъ пьесъ, какъ «Гроза», поставленная съ одной ренетиціи, отчего разумѣется исполненіе стройностью похвалиться не могло. Зато именно эти качества г. Дмитріева снискали ему полную благосклонность г. директора. А между тѣмъ рядомъ, у поляковъ, дѣла шли совершенно иначе: исполненіе отличалось хорошимъ ансамблемъ, репертуаръ новизною и содержательностью, такъ что даже такія сложныя вещи, какъ шиллеровская «Орлеанская дѣва»—поставленная 10-го января въ бенефисъ г-жи Годомской, разыгрывались болѣе чѣмъ прилично¹⁾.

И ужъ конечно «любимцамъ кievской публики» изъ польской труппы не приходилось прибѣгать къ жалостнымъ анонсамъ такого рода: «17-го января состоится бенефисъ любимца кievской публики Иванова, который въ совершенствѣ зная утонченный вкусъ (?) кievской публики, не намѣренъ угощать ее драмами и трагедіями, давно вышедшими изъ моды,—онъ въ свой бенефисъ ставитъ безсмертную комедію Н. В. Гоголя и хорошенькій водевиль «Бойкая барыня». Такой выборъ пьесъ долженъ встрѣтить сочувствіе публики». Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, достигло ли это обращеніе къ утонченному вкусу публики своей цѣли и не запалили-ли въ г. Иванова вмѣсто привѣтствія—соленымъ огурцомъ? Г-жа Петрова и супруги Нѣмовы вышли изъ труппы.

Входя въ разсмотрѣніе причинъ, по которымъ въ Кіевѣ не уживались талантливые, ²⁾ а слѣдовательно и до извѣстной степени самостоятельные и самолюбивые актеры, авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, говорить: «положимъ, что и г. Борковскому съ руки не держать два-три актера, которымъ нужно было платить по 60 руб. въ мѣсяцъ...» Каково!!!

Г-жа Стрѣлкова; «одна изъ лучшихъ драматическихъ актрисъ въ провинціи», не была принята въ труппу потому, что хотѣла получать 75 руб. серебромъ въ мѣсяцъ.

¹⁾ Польская труппа состояла: изъ г-жъ Годомской, Наторской, Трежензакъ, Любецкой, Олеспенской, Козловской, Тарашкевичъ; гг. Борковского, Венды, Мрозинскаго, Тарашкѣвичъ, Наторскаго, Ольшанскаго,—игравшаго въ обѣихъ труппахъ и нигдѣ, кромѣ хроническаго незнанія ролей, ничѣмъ себя не проявившаго. Среди артистовъ польской труппы были люди очень талантливые, какъ напр.: комикъ Наторскій. Прим. авт.

²⁾ Здѣсь подъ талантливыми актерами разумѣется не только г-жа Петрова и г-жа Нѣмова, которыя какъ извѣстно не блистали этимъ даромъ небесъ, но вся совокупность актеровъ успѣвшихъ съ кievской сцены, начиная съ г-жи Фабіанской, Павловой, г. Никитина и кончая безплодными попытками г. Протасова. Прим. авт.

Другое обстоятельство, не способствовавшее процвѣтанію драматическаго искусства на кievской сценѣ, авторъ справедливо видитъ въ томъ, что заключая контрактъ съ актеромъ, г. Борковскій обязательно требовалъ, чтобы тотъ игралъ всякую роль, какую ему поручить дирекція, безъ различія амплуа. Въ силу этого обстоятельства даровитый комикъ Ивановъ, былъ конечно смѣшонъ и жалокъ, когда изображалъ Жоржа-де-Жермона въ драмѣ Дюканжа («30 лѣтъ или жизнь игрока»), бывшей совершенно не въ его средствахъ, а Н. Х. Рыбаковъ, игравшій въ Харьковѣ, съ негодованіемъ, на отрѣзъ, отказался пріѣхать въ Кіевъ, когда въ числѣ дебютныхъ ролей на ряду съ Нино и Францемъ Мооромъ ему предложили сыграть Лисичкина въ вод. «Дочь русскаго актера». Контракты вообще составлялись хитроумно и содержали до 150 параграфовъ, за нарушение каждаго изъ нихъ антрепренеръ могъ штрафовать до мѣсячнаго оклада.

Въ числѣ этихъ §§ былъ запрещающій актерамъ не занятымъ въ спектаклѣ садится бесплатно въ мѣста для зрителей. Зимній сезонъ 1860—61 г. окончился 5-го марта.

Весенніе спектакли открылись въ городскомъ театрѣ 25-го апрѣля драмою Яфимовича «Кашей», перев. ком. «Я обѣдаю у маменьки» и вод. «Бѣдовая бабушка». Въ «Кашеѣ» дебютировалъ г. Славскій—но успѣха не имѣлъ. Зато въ водевилѣ г-жа Некрасова, удостоившаяся шумныхъ оваций, скрасила своей игрой довольно скучный спектакль.

Труппа таже, кромѣ главныхъ персонажей: г. Иванова, г-жи Протасовой, г. Некрасова и г-жи Млотковской, которые были освобождены на нѣкоторое время, надо думать, изъ экономическихъ соображеній г. директора. Репертуаръ вздорный: «Кашей», «Невѣста рѣки», «Провинциальные оригиналы» и т. п.—29-го іюня выступили супруги Протасовы въ ком. Д. Ленскаго «Въ людяхъ ангель не жена...» и вод. «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ». Спектакли давались чрезвычайно рѣдко, такъ, за все время съ 25-го апрѣля по 1-е августа, было дано 30 спектаклей, да и то еще изъ нихъ шесть были отмѣнены «по весьма важнымъ причинамъ»,—такъ какъ сборъ не превышалъ 12 руб. серебромъ и приходъ съ расходомъ не сходились какъ сѣверъ съ югомъ.

Продолженіе лѣтняго сезона началось 16-го августа дебютомъ г-жи Мочаловой-Копыловой, въ водевиляхъ: Новикова—«13-й женихъ» и Д. Ленскаго—«Два отца—два купца». Г-жа Мочалова была старая знакомая кievской публики, такъ какъ играла еще въ труппѣ г. Каратѣва въ 1842 г., занимая съ успѣхомъ амплуа героинь. «19 лѣтъ многое унесли изъ прелестей г-жи Мочаловой: она пополнила, голосъ распался, граціозная непринужденность движеній, замѣнилась искусственной жестикующей, позировкой и т. п.» Тѣмъ не менѣе, какъ опытная актриса, она могла еще нравиться и имѣть успѣхъ въ женскихъ роляхъ ея возраста и въ этомъ смыслѣ первый дебютъ ея былъ удаченъ. Но въ роляхъ молодыхъ, кокетливыхъ женщинъ ее ожидало полное разочарованіе и на второмъ и третьемъ дебютѣ, для которыхъ она выбрала: «Чего на свѣтѣ не бываетъ» вод. Годунова, «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису» вод. Перепельскаго (Н. А. Некрасова) и драму В. Гюго—«Венеціанская актриса», она успѣха никакого не имѣла, такъ какъ публика «не нашла никакого удовольствія смотрѣть на пожилую, старающуюся

молодиться, женщине». Боже мой, какая взыскательность! То-ли дѣло, наше снисходительное къ старости время, невольно начинаешь вѣрить въ прогрессъ, стоящій на «главномъ планѣ нашего вѣка»... Даже избытокъ чувства, такъ высоко цѣнимый въ драматической актрисѣ, обнаруженный ею въ роли Тизбы, не спасъ г-жу Мочалову отъ полнѣйшаго провала въ «Венеціанской актрисѣ». Слѣдующей дебютанткой была г-жа Шумская, выбравшая для обычныхъ трехъ дебютовъ роли: Агнессы—«Отецъ и дочь» др. Ободовскаго, Терезы—«Женевская сирота» и Галочки—«Щира любовь» ком. Квитки-Основьяненко, ни въ одной изъ нихъ успѣха не имѣла и удалилась вспать. Для г. Славскаго были поставлены: «Материнское благословеніе» и «Графиня Клара д'Обервиль»; но и Морицомъ и Бернардомъ онъ остался вѣренъ себѣ, т. е. изображалъ все того-же г. Славскаго¹⁾. Остальные дебютанты гг. Коныловъ, —молодой супругъ г-жи Мочаловой, Николинъ и Надеждинъ оказались золотой посредственностью.

Въ концѣ августа пріѣхалъ на гастролі артистъ Императ. С.-Петербург. театровъ А. А. Алексѣевъ, а вслѣдъ за нимъ въ труппѣ г. Костровскаго негръ трагикъ Айръ-Ольриджъ²⁾. Играли они черезъ день и успѣху гастролей талантливаго комика много повредилъ еще болѣе талантливый трагикъ.

Г. Алексѣевъ дебютировалъ въ «Воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ» ролью Шарова, затѣмъ сыгралъ вод.: «Заколдованный принцъ», «Похожденіе лифа и фрака», «Взаимное обученіе», «66», «Купленный выстрѣлъ». Исполненіе его отличалось наклонностью къ шаржу, произношеніе легкой гнусавостью, и то, и другое не преминули поставить ему на видъ. Ольриджъ выступилъ въ «Отелло», «Шейлокъ», «Макбетъ», и въ бенефисъ г. Алексѣева сыгралъ роль негра-лакея въ ком. «Трудно быть слугой двухъ господъ», въ которой уморительно пѣлъ пѣсню: «Во пиру была, во бесѣдушкѣ»... биссировавъ ее разъ 10-ть.

Успѣхъ Ольриджа имѣлъ необычайный. Билеты на его представленія брались на расхватъ несмотря на двойныя цѣны... Всѣ проходы, даже мѣста для оркестра, были проданы по 3 руб. и театръ буквально переполнился поклонниками талантливаго артиста. Увлеченіе Ольриджемъ было такъ велико, что проф. А. И. Селинъ, 25 сентября 1861 г., прочелъ въ актовомъ залѣ университета св. Владиміра, публичную лекцію: «Трагедія Шекспира «Отелло» и Айръ-Ольриджъ въ роли Мавра». Послѣ отбѣзда Ольриджа труппа перебравась въ зимній театръ и такимъ образомъ сезонъ 1861—62 г. официально открылся. Дѣла шли вяло, репертуаръ портился, стали преобладать пьесы вроде: «Гибель фрегата Медузы», «Розовый павильонъ», «Стелла», «Пріемышъ», «Четыре

¹⁾ Г. Славскій, происходя изъ непривилегированныхъ классовъ общества, сохранилъ и въ манерахъ и въ рѣчи нѣкоторыя черты простоты и непосредственности, такъ онъ сплошь и рядомъ въ увлеченіи ролью какого нибудь графа, произносилъ: „особливо“, безпримѣнно, „Адѣль“ и т. п. За что ему и доставалось отъ злоловъ драматической критики. Прим. авт.

²⁾ Г. Алексѣевъ въ своихъ воспоминаніяхъ относитъ это событіе къ 59 г., но, вѣроятно, память ему измѣнила, такъ какъ всѣ факты отнесенные имъ къ этому времени, отмѣчены газетою „Кіевскій телеграфъ“ въ событіяхъ дня за 1861 г. Прим. авт.

времени года», «Подземный катакомбы» и т. п. Немножко оживилъ его г. Протасовъ, поставивъ въ свой бенефисъ новую пьесу Н. Потѣхина «Дока на доку наскочилъ», а затѣмъ опять пошла тишь да гладь—Божья благодать. Спектакли стали отмигаться за отсутствіемъ публики. Труппа состояла: изъ г-жъ Мочаловой, Протасовой, Млотковской, Некрасовой, Шумской (супруги г. Шумскаго); гг. Протасова, Некрасова, Шумскаго, Толченова, Славскаго, Копылова, Николина, Надеждина. 6-го декабря г. Шумскій поставилъ пьесу А. фонъ-Юнка «Вторая жена» и вод. «Жена всему дѣлу вина». Находчивый актеръ удостоился весьма лестнаго отзыва въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» и взялъ хорошій сборъ.

23-го—любители-студенты сыграли въ пользу своихъ товарищей «Свадьбу Кречинскаго» и драм. этюдъ «Бездомная».

Въ январѣ 1862 г. супруги Протасовы вынуждены были оставить сцену, такъ какъ г. Борковскій не платилъ имъ жалованья, а на угрозу не участвовать въ спектакляхъ объявилъ: «якъ панъ хщепъ—мнѣ не тшеба». Г. Протасовъ въ длиннѣйшемъ письмѣ въ редакцію «Кіевского Телеграфа» изливаетъ свою скорбь на груди Альфреда фонъ-Юнка.

12-го января г. Некрасовъ, благоразумно возвратившійся снова на кіевскую сцену, поставилъ «Честность» др. А. Креницина, оказавшуюся весьма длинной и скучной.

20-го января любители-студенты снова сыграли въ пользу товарищей. Давали: «Женитьбу» Н. В. Гоголя и ком. А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ».

Комедія Гоголя нашла отличныхъ исполнителей для ролей Подколесина и Кочкарева въ лицѣ гг. Орлова и Монахова,—«мастерски передавшихъ всѣ особенности гоголевскихъ героевъ»; вообще «Женитьба» разыграна была весело и дружно и о всѣхъ участникахъ отзываются лестно. 12-го февраля—они же сыграли ком. А. Н. Островскаго «Не въ свои сани не садись» и ком. гр. Соллогуба «Сотрудники». Въ мартѣ сезонъ кончился. Положеніе артистовъ русской труппы на предстоявшій Великій постъ было весьма грустное, а потому они вынуждены были прибѣгнуть къ слѣдующему способу дѣйствія: 10-го марта по всему Кіеву было разослано болѣе 200 писемъ такого содержанія: «Не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію во время великаго поста, мы даемъ живыя картины, на которыя всепокорнѣйше просимъ не отказать въ посѣщеніи. Артисты русской труппы».

Видно не баловали судьба и г. директоръ жрецовъ святого искусства. Результатъ отъ этого скорбнаго воззванія былъ самый мизерный: 62 руб. сбору. По нашему это весьма характерно для оцѣнки культурнаго уровня того русскаго общества, которое такъ ловко было одурачено польскими «патріотами своего отечества».

Въ апрѣлѣ начались любительскіе спектакли.

13-го студенты играли: «Карьеру» Королева, «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина и «Жениха изъ долгового отдѣленія» Н. Чернышева. 14-го «Женихъ изъ ножевой линіи» ком. Красовскаго и вод. «Первый день свободы». Такъ какъ конца любительскимъ спектаклямъ не предвидѣлось, а за пользованіе театромъ г. Борковскій получалъ по 300 р., то онъ счелъ за благо не вводить себя въ убытки, распустилъ обѣ

труппы¹⁾ и сталъ сдавать театръ желающимъ поспектакльно. Любители понесли въ концѣ-концовъ убытокъ въ 149 р., тѣмъ дѣло и кончилось.

На Пасхѣ, «по примѣру прошлыхъ лѣтъ», устраивались для просто-народья на площадяхъ, Крещатикской, Подольской и Печерской, качели и балаганы съ кукольной комедіей.

2-го сентября открылся зимній сезонъ 1862—63 г. ком. въ 1 д. Григорьева 1-го «Домашняя исторія» и вод. «Зачѣмъ иные люди женятся» и «Френологъ и фizioномистъ». Въ ком. Григорьева выступилъ г. Никитинъ и былъ принятъ восторженно. Въ заключеніе спектакля г. Никитинъ по желанію публики прочелъ «Акціи» стих. г. Розентейма. Труппа состояла: изъ г-жъ Андреевой, Фабіанской, Млотковской, Петровой, Шумской, Алексѣевой. Г.г. Никитина, Шумскаго, Петрова, Ленскаго. Шагаева, Клинова, Лихомскаго, Сергѣева, Александрова, Славскаго. Режиссеръ г. Никитинъ. 4-го сентября «Нахлѣбникъ» И. С. Тургенева, вод. «Богатая старушка» Анца.—6-го «Адріена Лекуверрь» др. Скриба и Легуве, пер. Тарновскаго, для перваго дебюта г-жи Фабіанской. 8-го, По случаю дня 1000-лѣтія Россіи бесплатный спектакль—«Чужое добро въ прокъ не идетъ» др. А. Потѣхина, намекъ понять былъ слишкомъ поздно; въ утѣшеніе можно сказать, что и изъ чужого довѣрія проку вышло мало. Въ началѣ октября г. Никитинъ выступилъ въ «Гамлетѣ». Роль датскаго принца не удалась г. Никитину, онъ впалъ въ резонерство и тѣмъ обезцвѣтилъ свою благодарную роль. Ему совѣтуютъ не браться за «сильныя» роли, для которыхъ у него не хватаетъ чувства». Большой успѣхъ выпалъ на долю г-жи Андреевой, исполненіе которой роли Офеліи было признано *«безукоризненнымъ»*. Остальныя роли распредѣлились такъ: Лаэртъ—г. Шумскій, Гертруда—Млотковская, Полоній—г. Петровъ, Клавдій—г. Славскій. Исполненіе было слабое, постановка небрежная, костюмы и декорации стары и случайно набраны изъ разнаго театральнаго хлама. Дальнѣйшій репертуаръ: «Клара д'Обервиль», «Карьера», «Скользкій путь», «Домашняя исторія»...

11-го октября дебютировала въ «Любовномъ зельѣ» и «Цыганкѣ» пѣвица г-жа Корская, относительно которой подчеркнуто: *«членъ филормоническаго общества»* Дебютантка оказалась хорошей пѣвицей и недурной актрисой и имѣла приличный успѣхъ. «Уголино» Н. Полевого съ Вероникой—Фабіанской и Нино—Никитинымъ. Слабо. Въ концѣ октября г. Никитинъ поставилъ переведенную имъ вмѣстѣ съ г-жей Фабіанской мелодраму «Материнская любовь». Пьеса оказалась непомерно длинной, отчасти скучной и навѣрное провалилась-бы, еслибъ не блестящее, въ полномъ смыслѣ слова, исполненіе главныхъ ролей ея переводчиками.

Съ начала ноября началась 30-ти-дневная война г. Никитина съ г. Борковскимъ, который нашелъ въ немъ достойнаго соперника, сдумывшаго настолько донять г. Борковского, что тотъ въ свою очередь помѣстилъ длиннѣйшее письмо въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», въ которомъ возвышаясь до настоящаго лиризма, какъ Эдипъ, въ «Эдипѣ въ Колонахъ» Софокла, проклинаетъ Поллиника—Никитина, обманувшаго его лучшія надежды... Въ ноябрѣ г. Никитинъ и «его дамы» г-жа Фабіан-

1) Польская впрочемъ была отправлена большею частью въ Житомиръ
Прим. авт.

ская и Андреева оставили сцену¹⁾. Г. Никитина въ числѣ его многочисленныхъ прегрѣшеній обвиняли и въ самовольномъ присвоеніи себѣ «титула артиста Императорскихъ театровъ». Здѣсь очевидное недоразумѣніе. Г. Никитинъ, какъ бывший воспитанникъ театральнаго училища, былъ выпущенъ изъ него съ званіемъ «артиста Императорскихъ театровъ» и, хотя на службѣ дирекціи онъ состоялъ, какъ говорится, «безъ году недѣлю», это все-же не лишило его разъ приобрѣтеннаго званія.

28-го ноября «Испорченная жизнь» Чернышева съ г. Никитинымъ — Курчаевымъ и г-жей Фабіанской — Курчаевой. Г-жа Фабіанская въ довольно безцвѣтной роли Курчаевой имѣла успѣхъ выдающійся. — 30-го ноября г. Никитинъ, г-жи Фабіанская и Андреева простились съ публикой въ переведенной г-жей Фабіанской драмѣ «Сумасшедшая» и вод. «Хочу быть актрисой!..» 17-го декабря студенты-любители ставятъ «Грозу». Г-жа Кучинская — Катерина, г. Орловъ — Тихонъ, г. Велинскій — Кудряшъ, г-жа Степанова — Кабаниха, г. Каменскій — Дикой. Исполненіе очень удачное. Хозяйственная сторона этихъ спектаклей была вообще неудовлетворительна; при сравнительно хорошихъ сборахъ, они давали мизерный остатокъ, а въ концѣ-концовъ стали приносить прямо убытокъ²⁾.

Съ отъѣздомъ Никитина русская труппа совершенно отодвинулась на задній планъ, вѣла жалкое существованіе. Зато большой успѣхъ выпалъ на долю Натурскаго, поставившаго въ свой бенефисъ 21-го января «неокомическую» комедію въ 4 д. «Послѣднее средство». Въ пьесѣ были какіе-то, на что-то, намеки, двухъ-мысленные обороты рѣчи... и она пользовалась въ польской публикѣ крупнымъ успѣхомъ. Послѣдующій ходъ событій разъяснилъ эту загадку, тайна Полишенеля разрышилась... трагикомическимъ возстаніемъ 1863 года...

Въ маѣ 1863 г. стали устраиваться въ городскомъ саду гулянья, съ оркестрами музыки, фейерверками и т. п. Гулянья эти устраивались по иниціативѣ гг. Христіани, Фредерика и Сутербика, арендовавшихъ у города часть городского сада, окрещенную ими «Chataut de Heres».

Къ началу іюня былъ оконченъ постройкой лѣтній деревянный театр³⁾, сданный г. Протасову подъ русскіе драматическіе спектакли. «Зданіе театра довольно обширно: 200 креселъ, 10 ложъ, мѣста въ партерѣ». Отсюда мы можемъ заключить, что зрительная зала не имѣла ярусовъ. Полный сборъ = 250 р. Вечеровой расходъ, кромѣ жалованья артистамъ = 45 руб.

13-го іюня былъ данъ первый спектакль, состоявшій изъ двухъ водевилей: «Пустяки» и «Польза заграничнаго лѣченія». На первомъ

1) Въ числѣ «непомѣрныхъ претензій» г. Никитина, г. Борковскій приводитъ желаніе послѣдняго, чтобы никто не смѣлъ занимать его уборную, въ которой онъ одѣвался съ своими «двумя дамами»?... Прим. авт.

2) Вотъ отчетъ по спектаклю 17-го декабря, помѣщенный устроителемъ его г. Чудиновымъ въ газетѣ «Кіевск. Телегр.» за 1863 г., № 25. — Сборъ = 416 руб. Борковскому за театръ и освѣщеніе 225 руб., за афиши — 20 руб., режиссеру — 10 р., прислугѣ — 11 р., извозчики и разные расходы — 75 руб. — итого — 341 руб.; остатокъ = 75 руб. Концертъ и спектакль 7 и 17 марта. 1863 г. дали уже 50 и 78 руб. чистого убытка. Прим. авт.

3) Театръ былъ построенъ городомъ по настоянію г. Начальника края Прим. авт.

спектакль театр былъ полонъ, но уже съ третьяго сборы пали и, въ концѣ-концовъ, г. Протасовъ понесъ убытки. Между тѣмъ труппа была приличная; она состояла: изъ г-жъ Фабіанской, Андреевой, Протасовой, Ивановой, Петровской, Миккульской, Туманской, Алексѣевой, Васиной. Гг. Никитина, Протасова, Славскаго, Арсеньева, Семенова, Ленскаго, Николина. Репертуаръ состоялъ изъ небольшихъ комедій и водевилей, но иногда въ видѣ исключенія ставились и драмы, такъ были поставлены: «Станціонный смотритель» Куликова, «Кащей безсмертный» Яфимовича и т. п.

Начало сезона 1863—64 г. было смутнымъ временемъ въ исторіи кіевскаго театра. Г. Борковский былъ скомпрометированъ слишкомъ явнымъ сочувствіемъ польскимъ революціоннымъ тенденціямъ и ему было запрещено содержать русскую труппу, несмотря на то, что имъ были уже заключены контракты съ нѣкоторыми русскими артистами (артист. Импер. театровъ г-жей Барановой, Соболевой и др.), на сезонъ 1863—64 года.

Польская драматическая труппа была еще раньше отправлена имъ въ Одессу и оттуда уже въ Кіевъ не возвращалась. Въ обществѣ стали циркулировать слухи, что драматическихъ спектаклей вовсе не будетъ; когда-же въ сентябрѣ, появились анонсы, извѣщавшіе объ итальянской оперѣ подъ управленіемъ Фердинанда Бергера, выпущенной г. Борковскимъ, сохранившимъ съ силу контракта, несмотря на всѣ передраги, свои ленныя права надъ городскимъ театромъ, изъ Николаева, то слухи эти приняли форму положительной достовѣрности. Положеніе было критическое. Театральный комитетъ, предсѣдательство въ которомъ перешло къ генералъ-адъютанту Анненкову, назначенному кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, вмѣсто умершаго князя Васильчикова, нашелъ возможнымъ, не нарушая контракта съ Борковскимъ, передать управленіе дѣлами русской драматической труппы г. Протасову, передавъ ему же всѣ обязательства г. Борковского по контрактамъ съ артистами.

Г. Борковскому было выговорено опредѣленное число % вознагражденія¹⁾ за пользованіе «театральнымъ имуществомъ», но онъ фактически былъ устраненъ отъ всякаго вліянія на судьбу кіевскаго театра, въ которомъ такъ долго онъ чувствовалъ себя полновластнымъ хозяиномъ. Русскіе драматическіе спектакли открылись 17 ноября переводной французской мелодрамой «Графиня Клара д'Обервиль» съ Н. К. Милославскимъ въ роли Морица. Труппа, за исключеніемъ уѣхавшаго г. Никитина и «его дамъ», прежняя. Спектакли давались два раза въ недѣлю.

Дальнѣйшій репертуаръ состоялъ: изъ «Испанскаго дворянина», «Доходнаго мѣста», «Кошки и мышки», «Губернскихъ сплетень», «Далилы», «Заколдованнаго дома», «Картуша» и т. п. Изъ приглашенныхъ г. Борковскимъ явились: г-жи Соболева, Шелкова и г. Архановъ. Г-жа Соболева съ успѣхомъ дебютировала въ «Испанскомъ дворянинѣ», «Губернскихъ сплетняхъ», «Кошкѣ и мышкѣ», г-жа Шел-

¹⁾ Т. е. тѣ 10%, которые числятся въ отчетѣ г. Протасова. Такимъ образомъ г. Борковский не только вышелъ, какъ говорится, сухимъ изъ воды, но еще счумѣлъ извлечь выгоды изъ своего положенія, получая доходы съ имущества принадлежавшаго городу...

кова въ «Далѣхъ» и «Кошкѣ и мышкѣ» и г. Аркановъ въ «Доходномъ мѣстѣ». Г-жа Баранова не явилась вовсе. 20-го декабря въ бенефисъ Милославскаго было дано «Горе отъ ума» съ бенефициантомъ въ роли Чацкаго. Г. Милославскій имѣлъ хорошій успѣхъ и, по свойственной ему предприимчивости, находчивости и рѣшительности образа дѣйствій—скоро сдѣлался фактическимъ распорядителемъ судебъ драматической труппы, отодвинувъ г. Протасова на второй планъ. Вотъ, что говоритъ по этому поводу А. Меркаловъ, въ корреспонденціяхъ изъ Кіева въ журналъ «Русская сцена»: ¹⁾ «съ переходомъ русской драматической труппы изъ подъ гнета г. Борковского въ управленіе г. Протасова, а затѣмъ Милославскаго, положеніе актеровъ значительно улучшилось. Они составили изъ себя нѣчто вродѣ ассоціаціи, каждый членъ которой, по степени своего дарованія и полезности для общаго дѣла, оцѣниваемыхъ, какъ говорятъ, большинствомъ голосовъ, пользуется извѣстнымъ числомъ паевъ изъ чистаго сбора. Власть директоровъ ограничивается чисто экономическими распоряженіями. Такое устройство привлекаетъ на кіевскую сцену людей дѣльныхъ и даровитыхъ» и т. д.

Все вышесказанное относится уже ко второй половинѣ дѣятельности Н. К. Милославскаго—къ лѣтнему сезону 1864 г. Всякій, кто знакомъ болѣе или менѣе близко съ характеромъ дѣятельности Н. К. Милославскаго, какъ антрепренера, сразу пойметъ, что вся эта ассоціація была лишь красивою и удобною декораціей, за которой скрывался энергичный и полновластный Н. К. Милославскій, любившій прибѣгать къ такому маскараду, оцѣнивши какъ слѣдуетъ его житейскую практичность.

Вторая половина зимняго сезона 1863—64 г. ознаменовалась крупнымъ театральнымъ скандаломъ. Нѣкто, по житейскому своему положенію, занимавшій немаловажный постъ кіевского частнаго пристава, соблазненный лаврами драматическаго писателя, сочинилъ на досугъ отъ своихъ служебныхъ обязанностей драму—«Запропашенна, або лыхого дила Господь не потерпитъ» и добился ея постановки на сценѣ.

Приставу-литературу патронировалъ издатель «Кіевского Телеграфа» г. А. фонъ Юнкъ, самъ пописывавшій кое-что для сцены ²⁾. Коварный Милославскій, уступая желанію столь вліятельнаго автора, поставилъ его пьесу, но въ заключеніе пристегнулъ къ ней и водевилъ (переводный) Альфреда фонъ-Юнка «Дядюшкины тайны», заранее зная, что одно появленіе на афишѣ имени почтеннаго кіевского журналиста способно было вызвать цѣлое землетрясеніе. Эффектъ получился полный.

«Съ самаго поднятія занавѣса, пишетъ одинъ изъ зрителей, вплоть до окончанія «5-й діи», театръ не переставалъ гудѣть отъ свиста, хохота и криковъ.... Въ зрительной залѣ стояло настоящее вавилонское столпотвореніе»... Когда очередь дошла до водевиля, то зрительная зала вдругъ стихла и при поднятіи занавѣса дружно стали вызывать автора...

¹⁾ Смот. „Русская сцена“ 1864 г. кн. III. Прим. авт.

²⁾ Издатель „Кіевского телеграфа“ значительно раньше г. В. Крылова практиковалъ „крыловскую“ манеру заимствовать содержаніе своихъ пьесъ, безъ указанія источниковъ, у иноязычныхъ авторовъ. Прим. авт.